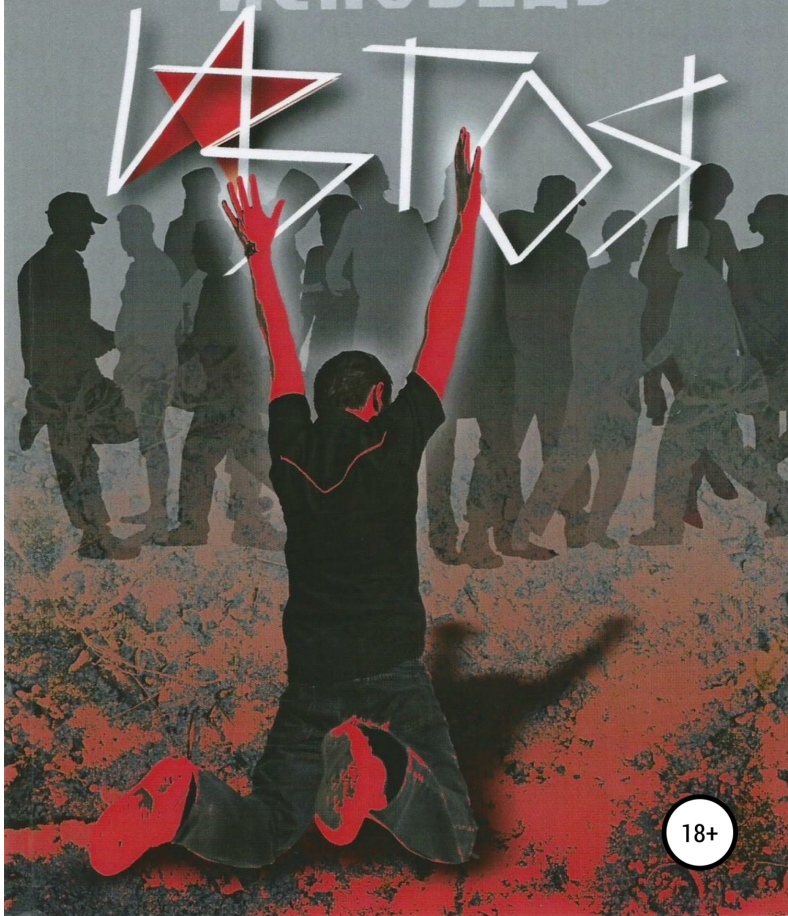

Владимир ВЕЛИКИЙ

ИСПОВЕДЬ

18+

Владимир Великий

Исповедь изгоя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63644466

SelfPub; 2021

Аннотация

Жизнь главного героя романа молодого историка Егора Чурсина, как и всех остальных героев, тесно связана с реальной действительностью. Выходец из простой крестьянской семьи после окончания университета строит поистине грандиозные планы по реализации своих творческих способностей в огромной стране под названием СССР. Проходят годы, и герой убеждается в наивности своих мечтаний. Обществу чужды честные и талантливые люди. «Склочник» попадает под партийный пресс. Он теряет не только работу, но и погибает его любимая женщина... Сей труд посвящаю светлой памяти Елизаветы Андреевны Яшиной – моей бабушки.

Содержание

Глава первая.

4

Конец ознакомительного фрагмента.

99

Владимир Великий

Исповедь изгоя

Глава первая.

У подножья к успеху

Душа Егора Чурсина, идущего по родному городу, ликовала. Для неописуемой радости были причины, да еще какие! Сын рубщика мяса на колхозном рынке и сын уборщицы, работающей в продуктовом магазине, закончил университет и стал историком. Закончил он его с отличием, сам выбирал себе место на огромной карте Советского Союза. В сентябре ему предстояло работать в самом престижном вузе областного центра – кооперативном институте. Все пять лет учебы Егорка по-настоящему «пахал», себя нисколько никогда и нигде не жалел. Всему и всем отдавался до конца. История КПСС, как предмет и как наука, для выходца из простой крестьянской семьи всегда была на первом плане. С коммунистами и с коммунизмом он связывал очень большие планы, свои потаенные мечты. Он сам себе выбирал дорогу в жизни. О том, что хочет стать Генеральным секретарем ЦК партии, пусть даже первым секретарем областного комитета партии, он никому не говорил. Не делился об этом и со

своими родителями. К их советам он не прислушивался. И все это он делал сознательно. Даже потому, что они были малограмотными людьми и мало что «петришили» в этой жизни. Николай Иванович, его отец, едва-едва закончил восьмилетку, затем курсы шоферов. Потом была армия, служил в Казахстане. Солдат возил начальника полигона. Вернулся опять в свой родной город Марьино.

Вскоре стал крутить баранку на старенькой полуторке, развозил продукты питания с районного склада по сельским магазинам. Только через пять лет по-настоящему влюбился в девушку Надю, работающую в продуктовом магазине уборщицей. Он давненько приметил стройную девушку, которая при встрече с ним почему-то отворачивала свое лицо в сторону. Боялась, наверное, высокого и костлявого парня. А, может быть, наоборот, стеснялась его. Чурсин, чем чаще приезжал в этот магазин, тем больше убеждался, что влюбился в эту девушку. Молодые люди поженились.

Через три года у них появился сын, нарекли его Егором. Почему они называли его так, они и сами по-настоящему не знали. Вполне возможно, первенца нарекли в честь Егора Александровича Нестерова, который ворочал всей торговлей в районном центре. Чурсиным всегда нравился этот мужчина, который по возрасту годился им в отцы. Он был высокого роста и довольно симпатичный. К тому же, он был очень суровый к своим подчиненным, все его боялись. О жестких нравах торгаша ходили целые легенды. Родители

почти ничего об этом человеке своему сыну не говорили. Однако о том, что он помог сделать им «карьеру», не выдержали и сказали.

За все пять лет обучения в университете Егор Чурсин с родителями очень мало виделся. Приезжал домой только на революционные праздники. В воскресные дни он домой почти никогда не ездил, хотя до Марьино на поезде было рукой подать. Если и приезжал, то очень и очень редко. Не до этого было, он настойчиво учился. В воскресные дни иногда просиживал в областной библиотеке с утра до позднего вечера. Конспектировал работы классиков марксизма-ленинизма, документы партийных съездов, писал рефераты. Не брезговал и дополнительной литературой. Одним словом, к каждому занятию готовился очень основательно. Своими знаниями, особенно по истории Коммунистической партии Советского Союза, он нередко удивлял седых и лысых профессоров. Мужики исторической науки частенько ставили его в пример другим студентам. В том, что он за два года до окончания своей учебы стал членом партии, была львиная заслуга и маститых ученых. Заметны были старания студента Чурсина и в общественно-политической работе. Он был старостой группы. Ни одно комсомольское собрание, а позже и партийное собрание факультета или университета, не проходило без его выступлений. Декан факультета, да и ректор вуза любили талантливого студента, приглашали его на всевозможные студенческие и городские мероприятия. Все пять

лет фотография Егора Чурсина висела на Доске почета вуза.

Перед самым выпуском он стал задумываться о своем жизненном выборе. Предложения для него были, даже очень заманчивые. Выпускник частенько покидал аудиторию или библиотеку, выходил подышать свежим воздухом. На улице лучше думалось. После сдачи государственных экзаменов, к удивлению своих сокурсников и преподавателей, он решил сначала поработать простым ассистентом в кооперативном институте города Помурино. Не ахти большой город ему очень нравился, да и от родного Марьино совсем недалеко. Карабкаться выше по лестнице общественной работы в своем родном университете ему не хотелось. Перспектив хороших он не видел. Учиться в аспирантуре он также не пожелал. Таких, как он, в солидном заведении было очень много.

Желание поехать к себе на родину укрепилось еще и по другой причине. Буквально за полгода до его выпуска с треском изгнали из университета декана исторического факультета Анатолия Михайловича Косенко, который часто нахваливал талантливого студента. Профессор прочил ему большое будущее в исторической науке. Не исключал он применение творческих способностей своего подопечного и на поприще партийной работы. Студент иной раз от похвалы лысого старика становился пунцовым, даже красным, как рак. Но увы, светило неожиданно для всех погорел. Притом далеко от столбовой дороги исторической науки. Умнейший ста-

ричок погорел на смазливой студентке, с которой однажды посидел в ресторане и прошелся с нею под ручку по городскому парку. На следующий день уважаемого члена многочисленных общественно-политических обществ и организаций вызвали в райком партии.

Ответ за содеянное он держал перед первым секретарем. Профессор не стал отнекиваться и вилять хвостом. Сказал честно и откровенно, что такой факт в его жизни был. Половую близость со студенткой начисто отметал. Его попросили написать объяснительную записку. Здесь ученый не выдержал и смачно матюгнулся. Затем с презрением взглянул на партийного начальника и быстро вышел из кабинета, сильно хлопнув дверью. На следующий день декана в институте не было, не появился он и через неделю. Только через месяц Егор Чурсин узнал, и то совершенно случайно, что Косенко вызывали в горком партии. После недолгих разборок ему объявили выговор по партийной линии и перевели в строительный институт, в соседнюю область. Направили с понижением, на должность заведующего кафедрой истории КПСС.

Происшедшее с маститым ученым вынудило Егора Чурсина основательно поразмышлять. Он уже несколько не сомневался, что «ушли» профессора может отрицательно сказаться на его будущей учебе в аспирантуре. И еще очень важное обстоятельство, которое учитывал при своем распределении молодой специалист. В Помурино находилось всего два высших учебных заведения – кооперативный институт

и высшее военное училище связи. Связисты находились на окраине города, кооператоры – в самом его центре, в двух шагах от железнодорожного вокзала.

Чурсины с большим нетерпением ожидали приезда своего единственного сына, которого они сильно благоволили, особенно в последнее время. Их радовало, что Гошка сам добился своей цели. Они мало что понимали в исторической науке, да и не только в ней. Топор и швабра не требовали больших извилин в голове. Николай без всяких проблем рубил туши разных животных на колхозном рынке. Рынок был небольшой, около двадцати торговых столов. Ни один торговец мясом не имел права сам рубить или привозить разрубленное мясо. Просто-напросто было не положено. Не положено и все. Об этом черным по белому было написано в инструкции. Главный мясник рынка каждый день ходил и внимательно бдил наличие небольших фанерных щитков, где прописывались правила торговли. В случае отсутствия оных он сразу же устремлялся в свою каморку, где на небольшом столике лежала целая стопа фанерных щитков. Через пару минут он с очень большим усердием прибивал к стенке полуразвалившегося здания исчезнувший «документ». Для прочности и сохранности щитка выбирал гвозди подлиннее. Всевозможные службы, контролирующие и обеспечивающие работу колхозного рынка, также были на стороне главного мясника. В иные дни возле его каморки стояла длинная очередь. Колхозники с умилением смотрели на долговязого и зарос-

шего мужчину.

Рубщик мяса порядка в очереди, как такового, не соблюдал. У него были свои принципы и выкрутасы. Одно он знал четко: кто настойчиво просит его и с умилением смотрит ему в глаза, к тому надо идти в первую очередь. В своих предположениях, как правило, он не ошибался. Счастливчик из очереди с улыбкой до ушей впряглся в специальную упряжь и тянул за собой небольшую тележку, на которой стоял очень толстый чурбан. Спецзаказ Чурсину привезли из тайги. Чурбан был почти метровой высоты и отменного качества, за всю бытность ни разу не треснул. При появлении тележки с огромным чурбаном, люди, стоящие за прилавками, с облегчением вздыхали. Через некоторое время их лица озарялись подобострастной улыбкой. Между прилавками неспеша и очень важно дефилировал долговязый мужчина, на плече которого лежал увесистый топор. Рубщик мяса сначала вальяжно садился на чурбан и устремлял свой взгляд на мясные туши хозяина. Затем неспеша вытаскивал пачку сигарет и с наслаждением затягивался. Хозяин мяса и его соседи курить долговязому не мешали. Они знали, что сейчас он думает, думает основательно. Сомнений ни у кого не было. Каждый прекрасно понимал, что хорошо разрубленное мясо куда скорее найдет покупателя. После непродолжительной паузы рубщик нехотя вставал, затем давал команды по правильной укладке мяса на чурбан. Все его указания беспрекословно выполнялись. Никто ему и не перечил. Пере-

читать было очень рискованно и даже опасно.

Однажды Чурсину попался страшно сварливый крестьянин, который попытался его учить уму-разуму. Торговец был очень мощного телосложения. Долговязый против него выглядел маленькой козявкой. Однако это ему не мешало делать свое дело. Первую говяжью ляжку Чурсин разрубил по-честному и добросовестно. Разруб почему-то не понравился приезжему верзиле. Он стал махать руками и смачно материться. Николай молчал, лишь кривил рот. Затем несколько раз рубанул по второй ляжке и положил топор на плечо. Из разрубленных кусков он выбрал кусок побольше и сунул его в свою кожаную сумку. Верзила с недоумением посмотрел на него и заскрипел зубами. Лишь после того, как Чурсин отошел от прилавка и направился в сторону своей каморки, он разразился отборным матом...

Мать через окно первая увидела своего сына, который быстро приближался к родительскому дому. Она, словно молодая козочка, выбежала во двор и открыла калитку больших, добротных ворот. Егор, увидев мать, поспешил ей навстречу и через несколько мгновений они обнялись. Мать от радости плакала и приговаривала:

– Слава Богу! Мой сынуля, мой Егорушка появился... Слава Богу, слава Богу...

Сын на причитания матери ничего в ответ не говорил. Он только сильнее прижимал ее к своей груди и немного всхлипывал. Вскоре мать и сын вошли в ограду, в центре кото-

рой стоял хозяин дома. Чурсин старший одной рукой приветствовал сына, другой рукой хлопал его по плечу. Мужчины ничего друг другу не говорили, они смотрели друг другу в глаза и смеялись.

Вечером небольшое семейство Чурсиных собралось за праздничным столом. Кушаний и всевозможных угощений на столе было изобилие. Отец ради единственного сына постарался вовсю. Он еще за месяц проинформировал своих торговых корешей о приезде своего очень умного историка. Друзья не оставили его в беде. Родители с нескрываемой радостью смотрели на свое чадо, которое с наслаждением вкладывало в рот небольшие кусочки копченого мяса и одновременно потягивало импортное пиво. Чурсин младший несколько не сомневался, что такие блюда и закуски навряд ли сыщутся в большинстве домов небольшого города. Исключением могли лишь быть партийные работники и директор ремонтного завода...

Серьезный разговор, как таковой, сначала у сидящих за столом не получился. Это ни у кого особого беспокойства не вызывало. Больше всех тараторила мать Егорки, что вполне устраивало обоих мужчин. Надежда изложила сыну все новости, которыми жило Марьино. Иногда она задавала вопросы и сыну, уже успевшему отведать почти все кушанья. Отпрыск, отправив в свой рот тот или иной деликатес, или выпив ту или иную жидкость, с улыбкой обращал свой взор на родителей. Затем руками гладил свой живот и тихо при-

говаривал:

– Папушка и матушка, матушка и папушка! Наконец-то тощий живот советского студента поймал прекрасный кусочек и глоточек вкуснятинки... Слава мои предкам...

От его слов родители весело смеялись и цокали языками. Потом по очереди хлопали по вздутому животу сына.

Серьезный разговор между отцом и сыном состоялся поздно вечером. Мужчины вышли из дома и сели в кресла вокруг стола, который стоял почти в центре большого палисадника. Свежий воздух благотворно действовал на выпивших людей. Егор с радостью опустился в кресло, затем вытянулся и поднял глаза к небу. Оно было покрыто множеством звезд. От звездной красоты и небесной идиллии он постепенно перекинулся на землю. И на этой земле, где он родился и вырос, сейчас также было очень тихо и спокойно. Лишь изредка кое-где слышалось тявканье собак и негромкие голоса людей. На какое-то время он отвлекся от природной красоты и от земной жизни, закрыл глаза. Стал жадно вдыхать свежий воздух. Он был на самом вершине блаженства. Его мозг и его тело отдыхали от очень напряженного умственного труда, который он вложил, чтобы получить высшее образование. Ему еще не верилось, что завтра он не будет зубрить всевозможные цитаты из трудов классиков марксизма-ленинизма, не будет сидеть с красным карандашом и подчеркивать умные мысли престарелых руководителей. Все это он терпел ради одного – получить диплом о высшем образо-

вании, который сейчас лежал у него в дипломате. За плоский чемоданчик на городском рынке ему пришлось заплатить втридорога. Громадная страна с несметными природными богатствами этих вещей не производила... В этот чудесный миг своей жизни он не думал о серьезных вещах. Ему сейчас, как никогда раньше, хотелось расслабиться.

В этом направлении он многое успел сегодня уже сделать. Он вдоволь накушался деликатесов, пропустил несколько рюмок армянского коньяка. Отец пил только самогон, он его сам изготавливал. От собственного производства у него почти никогда не болела голова. Чурсин старший заморские блюда и продукты почти не употреблял. Они ему не нравились. Основной упор он делал на мясо, которое кушал каждый день. Жевал его иногда и по ночам. Егор, еще будучи мальчишкой, заметил эти странности. Постепенно и он перенял привычку своего отца. В доме всегда были блюда с мясом, будь то борщ или картофель. Он, как и его отец, кушал мясо везде и всегда. Он кушал его дома. Кушал его в школе и в университете, когда учился. Лично сам он мясные блюда не готовил. Если готовил, то очень редко. В его детстве этим делом занимались родители, в студенческом общежитии – ребята по комнате, с которыми он хорошо корешковал.

Мясо у историков было почти всегда. Отец Гошки Чурсина регулярно через своих друзей или знакомых пополнял довольно объемистый холодильник. Лично сам он очень редко приезжал к своему сыну. Свободного времени у него, как та-

кового, почти не было. «Свежак» в доме Чурсиных был всегда. Николай в иной день привозил на собственном «Москвиче» мешок мяса, а то и больше. По вечерам к ним приходили люди, покупали говядину, свинину. Некоторые делали спецзаказы на другую домашнюю живность. Недостатка в клиентах не было...

Размышления о детстве и мясной жизни у Егора Чурсина, удобно сидящего в кресле, неожиданно прервал голос его отца:

– Сынок, почему молчишь? Или ты, небось, все уже расставил по полочкам в своей будущей жизни?

Сын на вопрос своего отца ответил не сразу. Ему все еще очень нравилось сидеть в мягком кресле и лениво перебирать мысли о своем детстве, которое, как он считал, не было таким уже и плохим. И в этом он видел заслугу своих родителей, потративших немало сил и нервов для поступления его в престижный вуз. Только сейчас, после обильного кушанья и избытка свежего воздуха, он пришел к этой неожиданной мысли. Его заветная мечта поступить в университет стала реальностью, благодаря только отцу. Конечно, и здесь не обошлось без мяса.

Ему на миг представилось милое выражение лица заместителя председателя мандатной комиссии Аллы Павловны, которая после подведения итогов экзаменов, тихо шепнула ему на ухо:

– Егор Николаевич... Я очень счастлива, что наш уни-

верситет принимает в свои объятия сельского мальчика... И еще... Передайте огромный привет своему отцу... – После небольшой передышки она добавила. – Я довольна не только его сыном, но и всем другим...

Первокурсник Чурсин на сладкий голосок красивой женщины ничего не сказал. Он только удивленно вздернул брови и улыбнулся. К этому эпизоду он никогда в своей жизни не возвращался. Только сегодня и только сейчас, когда ему было очень приятно и очень хорошо, он почему-то все это вспомнил.

Неожиданно на своем плече он почувствовал руку отца, который стоял уже возле него. Он вновь произнес:

– Гошка, почему молчишь? Или вновь в облаках витаешь? Ты думаешь, что я не думаю и не переживаю о твоей будущей жизни?

Сын медленно открыл глаза и с удивлением посмотрел на отца, который, словно сфинкс, уставился на него. Даже в темноте он не мог ни видеть и ни чувствовать его тревоги. Он моментально отключился от предыдущих мыслей. Затем быстро встал с кресла и с недоумением переспросил отца:

– Папа, ты чем-то встревожен? Какие могут быть у меня в будущем проблемы? Я думаю, их просто у меня быть не может...

Мысли сына о своем беспроblemном будущем мало успокаивали Чурсина старшего. Он все ходил вокруг стола и курил. Иногда останавливался и пальцами правой руки тер

свой высокий лоб. Сын нисколько не сомневался, что он вновь что-то ему скажет и поэтому молчал. Он в этом не ошибся. Отец через некоторое время очень тихо произнес:

– Эх, сынок... Не думай, пожалуйста, что я такой глупый... Напрасно... Я, конечно, академий не кончал, да и мать твоя, как и я, на восьмилетке остановилась...

На какой-то миг его голос замолк. Скорее всего, он сильно волновался. Может быть, искал нужные слова, чтобы предупредить сына о сложности человеческой жизни. Через пару минут он вновь сказал:

– Я очень сильно хотел учиться, но жизнь не пускала... У моих родителей детей была целая куча... Булки хлеба на завтрак не хватало...

После этих слов Чурсин старший замолчал, молчал и младший. Он только сейчас понял, что его отец хочет ему откровенно высказаться, поговорить с ним по душам. Он понимал, что у родителей за время его отсутствия очень многое на душе накопилось. Он стал сожалеть, что не ездил к ним на выходные дни. Общение родных людей никогда и никому плохого не делало, особенно в трудные моменты жизни. От обиды ему хотелось плакать. Однако он сжимал зубы и молчал.

Молчание сына очень сильно злило Николая. Он сжал до боли кулаки и со злостью произнес:

– Егор, а тебе не кажется, что ты не туда пошел и садишься не в то кресло? – На некоторое время он замолк. Ему никак

не хотелось обидеть своего родного сына. После раздумья он продолжил. – Я все больше и больше думаю о твоих завихрениях... Вот, ты, например, этой осенью будешь работать в институте, пусть даже в престижном. Однако престиж в нынешние времена один пшик, и только... Этим пшиком живот не набьешь, даже рубашку копеечную не купишь...

Только после этих умозаключений сын понял тревогу своего отца. Он решительно подошел к нему, затем сильно прижал его к себе и со слезами на глазах сказал:

– Папа, отец... Спасибо тебе за очень серьезный вопрос, спасибо за твою родительскую заботу... Я тебя понимаю, как сын, и как мужчина... Я знаю, что на мои 125 целковых далеко не разбежишься... Однако я надеюсь на лучшее. Через три-четыре года сделаю кандидатскую и, вполне возможно, уйду на партийную работу...

Мужчины в этот вечер в дом вернулись поздно. Каждый излил свою душу до конца. Отцу очень понравились жизненные установки своего единственного сына. Сомнений у него не было. Егор тверд в своих решениях и доведет свое дело до конца. Пятидесятилетнего мужчину это очень радовало. Не зря он жил на этом свете. Не зря надрывал свои силы и нервы. И еще. Они договорились все имеющиеся проблемы решать сообща, без всякой утайки. Вдвоем намного легче.

Сын тепло простился с отцом, мать уже спала. Затем он пошел в свою комнату и через минуту очутился в мягкой постели. После серьезного разговора с отцом его голова ста-

ла ясной. Ему даже не хотелось спать, хотя от города Тарска, где он только что учился, езды было почти десять часов. Новоиспеченный историк в поезде нисколько не спал, все время думал. Думал он и сейчас. Его отец во многом был прав. Именно благодаря мясу он построил себе приличный особняк из кирпича. За неделю до приезда сына купил новое «Жигули». В доме у родителей всегда была живая копейка. Во многом они помогали и сыну, у которого лишних забот практически и не было.

Одна была забота – хорошая учеба и примерное поведение. Студент исторического факультета Егор Чурсин это и делал. Университет он закончил с отличием, с дисциплиной у него также все было в ажуре. Настоящих друзей у него не было, не было и девушек. За пять лет обучения он так и никого из них не поцеловал, не говоря уже с кем-то переспать.

При воспоминаниях о встречах с Машой Дашковой, он усмехнулся. Девушка была очень озорная и симпатичная. Ей нравились парни не только красивые, но и умные. От Гошки Чурсина она была без ума, он по всем статьям ей подходил. Старшекурсник был на целую голову ее выше, стройный и умный. К тому же, он подавал большие надежды на скорую карьеру. Ей очень хотелось, чтобы ее парень, как можно скорее, стал профессором или даже доцентом. 500 рублей или 320 рублей с всевозможными денежными довесками будущую учительницу биологии очень устраивали. Но не получилось. Она почти месяц за парнем волочилась, даже два

воскресенья просидела с ним в областной научной библиотеке. Ее любимый сидел за столом и с умным видом читал книги, что-то записывал себе в толстую тетрадь. Она сидела возле него и лишь изредка бросала взгляд в его сторону. На этом их отношения и закончились. Если не считать того, что умник купил ей пару пирожков с мясом по пять копеек...

И этой ночью молодой историк не имел желания связывать себя с кем-либо из женщин. Делом первостепенной важности он считал написание диссертации, а затем жизнь покажет. Красивые девушки есть везде. Например, на соседней улице живет его бывшая одноклассница Нина Зимина. Он успел ее даже поцеловать. Вполне возможно, в дальнейшем что-то у них и получилось бы, но он решил остановиться. Родители девушки были пьяницами, часто попадали в милицию. С такими «элементами» десятиклассник Егорка Чурсин не хотел связываться. Негативы могли помешать его будущей карьере.

В институт, где предстояло работать, Чурсин приехал за пять дней до начала занятий. Само здание молодого историка мало чем удивило. Он до этого частенько проходил мимо огромного четырехэтажного здания, покрашенного в зеленый цвет, когда приезжал в Помурино. Вокруг здания и на прилегающих улицах всегда было очень много студентов. И на это раз он увидел большие группы ребят и девчат, которые, словно муравьи, сновали внутри и вокруг учебного корпуса. Почти все они о чем-то оживленно разговаривали

и смеялись. Студенческая жизнь была до боли в сердце ему знакомая и близкая. Разница в возрасте между студентами и молодым историком была почти незаметной. Ему было только 22 года...

Чурсин с замиранием сердца открыл парадную дверь института. Затем подошел к вахтерше, сидящей возле входа, и спросил о том, где находится кафедра истории КПСС. К его удивлению, почти все ее преподаватели и сотрудники были на рабочих местах. Буквально через пять минут заведующий кафедрой представил его будущим коллегам. Все они отнеслись к нему доброжелательно. Новенького это радовало. Затем заведующий пригласил его на собеседование. О доценте Горовом Иване Константиновиче Егор Чурсин слышал еще и раньше. Он часто видел его по телевидению и читал его научные статьи. Почти все они были посвящены решениям партийных съездов. Во время беседы шеф откровенно признался, что он очень рад притоку новых молодых сил, которые смогут в значительной мере, как освежить историческую науку в институте, так и омолодить кафедру. Его радовало и то, что недавний студент имел прекрасную партийную характеристику. Собеседование продолжалось почти два часа.

Длительное пребывание в кабинете главного историка вуза Чурсина нисколько не беспокоило. Все было намази, шло как по маслу. У него намечался хороший старт для успешной работы. По заверению заведующего кафедрой через неделю в городской газете напечатают объявление о конкурсе

на замещение вакантной должности преподавателя истории КПСС в кооперативном институте. Напечатают ради научной и общественной субординации. Затем Горовой поинтересовался научными замыслами своего молодого подопечного. Его тема диссертации и научные замыслы вызвали неподдельную радость у старика. Из преподавателей кафедры за десять лет никто не представил какую-либо научную работу к защите, не говоря уже о диссертации.

«Безученость» историков часто критиковал ректор института, доставалось и от партийного комитета. На прощание Горовой, не то от волнения, не то от своей ветхости, принял-ся обеими руками тряссти руку новенькому. Затем снял очки со своего длинного носа и с умилением прошептал:

– Егор Николаевич! Вы для нашей кафедры настоящая находка. В практической работе и на научном поприще. Ваш приход и Ваши дерзкие научные планы очень обрадуют наших стариков, очень обрадуют... – Крепко обняв новенького за плечи, он чуть ли не со слезами вновь произнес. – Теперь я буду ходить на партийные собрания и ученые советы только с поднятой головой... Только так, Егорка...

После теплого прощания со своим шефом, Чурсин, словно на крыльях, вылетел из учебного корпуса. Настроение у него было превосходное. Душа его пела. И даже сам город, несмотря на дождливую погоду, казался ему сейчас красивым и милым. Через полчаса он был возле дома, где намеревался снимать комнату у одинокой старушки. Баба Маша

жила одна в трехкомнатной квартире. Ее муж умер три года назад. Умер по чисто русскому признаку – пьянству. Подследоватый старик возвращался от друга, который только что построил гараж и получил железного коня «Запорожец», как участник Великой Отечественной войны. Мужчины на радостях основательно выпили. Владелец машины остался спать в своем гараже, Ефим пошел домой. Вместо своей «хрущевки» он попал в другую, которая, как две капли воды, была похожа на его. Он открыл входную дверь и очень осторожно, почти наощупь, стал подниматься на пятый этаж. Электрического света в подъезде уже давненько не было. По какой причине его не было – никто не знал. Поднявшись и отдышавшись, дедок стал колотить в дверь квартиры. Искать свой ключ в продуктовой сумке, да еще в кромешной мгле, он не стал. Жена дверь почему-то не открывала. Он еще несколько раз ударил кулаком в дверь. Ударял так сильно, что от боли был.

Дверь вскоре открылась. Однако вместо знакомой физиономии Машки, так он назвал свою жену в домашнем обиходе, появилось заросшее щетиной лицо очень толстого мужика, который был почему-то сильно раздражен. Ефим по пьяному делу не стал долго раздумывать и рванулся в квартиру, надеясь увидеть в постели свою любимую. Но увы, вышла осечка. Вместо жены, которая всегда спала в синих трусах, он увидел довольно полную, притом голую женщину. Она стояла в центре спальни и почему-то с удивлением на него

смотрела. Что было дальше и кто в происшедшем виноват, дедок не мог рассказать. Не рассказывал никому и никогда. Через несколько мгновений он оказался в чьих-то сильных руках, которые схватили его за подмышки. Потом он очень сильно ударился о что-то твердое... Скончался он через пару часов в больнице, не приходя в себя.

Мария Ивановна, вдова погибшего, она же и владелица квартиры, оказалась очень большой скрягой. В этом Чурсин убедился сразу же, как только она его завела в небольшую комнатку и по-старчески проямлила:

– Молодой человек, у нас в городе принято платить за месяц вперед... Я, как и все советские люди, не хочу быть обманутой... – Затем, высунув язык, словно он ей придавал ума или смелости, вновь продолжила. – Я никогда в своей жизни ничего не воровала, поэтому и не хочу, чтобы у меня воровали...

Увидев изумленное лицо своего будущего постояльца, она несколько подобрела и с улыбкой подытожила:

– Я, мой сынок, вчера еще раз все просчитала и решила окончательно. С тебя, как одиночки, буду тридцать целковых за постоянное брать... Твой отец об этом знает... Я с ним недавно говорила...

Чурсин в отношении цены за проживание, которую назначила ему хозяйка, ничего не сказал. Не стал он ей и возражать. Он и сам не знал всех этих прејскурантов. Во время учебы он жил в студенческом общежитии. Все пять лет чет-

веро парней жили в небольшой комнате. Жили дружно, каких-либо передраг не было, не было и пьянок. Хотя желание выпить было, и довольно часто. Ребята понемножку пропускали лишь в дни рождений. Пить больше – боялись. Никто не хотел оказаться за стенами университета. Страху нагонял и декан истфака. Косенко частенько проверял общежитие, в котором проживали будущие историки. Забегали к студентам и кураторы групп. Информация о негативах доходила до шефа мгновенно.

Первая неделя пребывания в Помурино для Чурсина оказалась очень напряженной, но одновременно и продуктивной. Свободного времени, как такового, у него не было. Львиная доля его ушла на обустройство комнаты и приобретение предметов первой необходимости. Через три дня отец привез ему небольшой холодильник «Саратов», который через полчаса лично сам набил продуктами питания. Конечно, в нем господствовало мясо. Не обделил он этим деликатесом и хозяйку квартиры. Баба Маша, держа в своих руках отборный кусок мяса, даже прослезилась. Она обняла долговязого мужчину и тихо проворковала:

– Спасибо милоч, спасибо, милый человек... Я, честно говоря, впервые в жизни вижу такое мясо. Мой непутевый всю жизнь пил, не до мяса было... – После этих слов она с наслаждением погладила рукой по свиной вырезке и стала жаловаться на свое недомогание. – Я, мой милый, сейчас не могу стоять в больших очередях... Хворая я стала, да и денег

нет...

Нытье хозяйки в отношении своего безденежья внезапно задело за живое Чурсина старшего. Он, не то с умилением, не то с презрением, взглянул на женщину и сквозь зубы процедил:

– Ты, уж Мария, не думай, что я какой-то богач... Ты, вот, милая мо-я-я, какую деньгу за проживание загнула... И даже сердце от жадности не остановилось... Эх, смотри у меня... – Он пригрозил женщине пальцем и серьезно предупредил. – Не вздумай моего единственного обижать... Он тебя-то точно не обидет...

На умозаключения своего отца сын ничего не сказал. Он только смиренно стоял перед ним и весело смеялся. Он сейчас не переживал за тридцать целковых. И за кусок мяса, который отец подарил одинокой женщине, у него тоже не болела голова. У него были другие мысли. Этим мыслями он жил раньше, будучи еще студентом. Этими мыслями он жил и сейчас, когда стал преподавателем кафедры истории КПСС одного из престижных вузов Сибири.

Прошла еще одна неделя. И этот небольшой отрезок времени для Чурсина оказался очень удачным. В первый же день начала учебного года он был официально представлен коллективу кафедры. Горовой довольно долго информировал своих коллег о заслугах новенького, известил их и об его научных планах. Он также огласил результаты конкурса на замещение вакантной должности преподавателя кафедры

истории КПСС. Кроме Чурсина, других заявлений на конкурс не поступало. Все это прибавило энергии и оптимизма молодому историку. Он в этот же день «отметился» у всех проректоров и в партийном комитете института. На следующий день познакомился с деканами факультетов. Все и везде его принимали с улыбкой, желали успехов. Ночевать он приходил поздно вечером, хозяйка уже спала. Он сразу же раздевался и плюхался в кровать, панцирная сетка которой почему-то громко скрипела. Это нисколько его не раздражало. В эти дни он даже не испытывал чувства голода, хотя в его желудке иногда не было ни хлебной крошки. Погружаясь в темноту сна, он строил свои планы...

В понедельник очередной недели Чурсин, как обычно, открыл дверь и окинул взглядом две довольно большие комнаты, в которых находилась кафедра истории КПСС. К его удивлению, никого из преподавателей не было. На какое-то время он опешил и присел за свой письменный столик, стоящий возле окна. Неспеша вытащил из дипломата очень толстую книгу под названием «История Коммунистической партии Советского Союза», с которой не расставался все эти годы, а также планы семинарских занятий. От себя он нисколько не скрывал, что все это он делает просто так, чтобы подавить в себе внезапно появившееся волнение. К первому в своей жизни семинарскому занятию он готовился очень основательно.

Неожиданно дверь открылась и вошла Анна Петровна,

секретарша кафедры. Чурсин, откровенно говоря, за все время своей работы на кафедре, не успел ее еще по-настоящему разглядеть. Пожилая женщина все куда-то исчезала. И на этот раз, она, ссылаясь на нехватку времени, быстро приблизилась к нему, и протянув ему небольшую бумажку, скороговоркой выпалила:

– Егор Николаевич! Вам предстоит завтра выехать со студентами на уборку урожая. Будете в качестве комиссара... Иван Константинович все уже с партийным комитетом согласовал... – Увидев широко раскрытый рот молодого преподавателя, она очень серьезно добавила. – Уборка урожая у нас рассматривалась и рассматривается как очень ответственное поручение партии...

От поистине шокирующего известия и повелительного тона женщины, новенький привстал и хотел что-то ей возразить. Однако ему это не удалось. Анна Петровна исчезла так же быстро, как и появилась. Чурсин медленно опустился на стул и дрожащими руками прикоснулся к небольшой записке. Глазами пробежал ее содержание. Секретарша озвучила все то, что в ней была написано. Он тяжело вздохнул и задумался. Идти в партком или звонить Горовому, он не решился. Отнекиваться было бессмысленным занятием. Для этого у него не было каких-либо объективных причин. Во время учебы в университете первокурсники, как правило, всегда ездили на уборку урожая. Комиссарами с ними были преподаватели кафедр общественных наук. Он еще раз тяж-

ко вздохнул, положил учебник и планы в дипломат. Затем неспеша вышел из комнаты. В таком же медленном темпе он спустился на второй этаж, где находился партийный комитет. Через час его голова была напичкана всевозможными ценными указаниями. В обеих руках он держал рулон ватмана, наборы туши и плакатных перьев. Ему, как коммунисту предстояло вести решительную борьбу за урожай. По точным данным секретаря партийного комитета через три недели ожидаются большие заморозки...

Совхоз «Путь Ильича», где находился лагерь труда для студентов кооперативного института, большими производственными показателями не блистал. Это было, вполне возможно, и закономерно. Посевных площадей для зерновых культур в хозяйстве не было. Причиной этому была болотистая местность и сплошные солончаки. Хозяйство специализировалось на животноводстве и картофелеводстве. Немного сеяли подсолнечника и кукурузы. В основном эти культуры шли на приготовление силосной массы, которой зимой кормили животных.

Первокурсников в лагерь доставили к обеду следующего дня, привезли их автобусами. В первые же минуты пребывания студенты были разочарованы. В помещениях, специально построенных для них, не было электрического света. В комнатах отсутствовали лампочки, кое-где была вырвана электропроводка. Чурсин сразу же бросился искать завхоза. На территории лагеря его не оказалось. Не было здесь и

представителей из руководства совхоза. Он рванулся в контору. Управление совхоза находилось в небольшом домике, вокруг которого паслись несколько коров и около двух десятков овец. Почему эти животные нашли именно здесь для себя пастбище, для городского жителя было непонятно. Начальников в конторе не оказалось. Была одна только молоденькая секретарша, которая при появлении студенческого комиссара, громко прогнусавила:

– Вы, правильно меня поймите, товарищ начальник... Директор о приезде студентов мне ничего не говорил... Он придет из Помурино только поздно вечером...

Чурсин по совету женщины направился к секретарю партийного комитета совхоза, его кабинет находился напротив директора. Партийного вожака на месте также не оказалось. Вместе него за столом сидел старый дед, который, по его словам, хотел уплатить партийные взносы. Он уже трижды пытался это сделать, но безуспешно. Секретаря то не было на месте, то он болел. У комиссара оставалась последняя надежда – это завхоз отделения, за которым был закреплен студенческий лагерь. Дедок очень любезно согласился довести Чурсина до небольшого дома, где жил завхоз. Им оказалась толстая женщина, для которой появление студентов было полнейшей неожиданностью. Подняв руки к небу, она с изумлением произнесла:

– Боже! Почему Вы так неожиданно приехали... Сегодня утром наш партийный шеф сказал, что студенты ожидаются

через два дня... Синоптики обещали значительное улучшение погоды...

Полуциркаческое поведение женщины несколько не рассердило комиссара. Он, видя ее искреннее удивление, наоборот, громко рассмеялся и проговорил:

– Ну и дела творятся в нашей глубинке... Меня только вчера наши начальники инструктировали о важности выполняемой задачи, а здесь нас и не ждут...

Вести разговор или что-либо доказывать было бессмысленно. Для этого не было времени. Предстояло накормить и обеспечить ночлег для целой сотни студентов, среди которых почти восемьдесят процентов были девушки. Завхоз оказалась на редкость пробивной и строгой женщиной. В этом Чурсин убедился почти мгновенно. Она тотчас же взяла большую связку ключей и направилась к соседнему дому, который находился в метрах двадцати от ее дома. Чурсин последовал за нею. Надя, так назвала себя завхоз, решительно открыла калитку и вошла в ограду. Вскоре оттуда донесся очень громкий мат. Сомнений у комиссара не было, мат раздавался из уст завхоза. В этом он убедился окончательно, как только вновь открылась калитка. Перед ним появился небольшого росточка мужчина. В одной руке он держал большой моток электропроводки, в другой руке у него было металлическое ведро. В ведре лежали электрические лампочки. Следом за мужчиной вышла Надя, в руках у нее был березовый прут.

Через пару часов спальные помещения студенческого лагеря осветились светом. Вася, так звали электрика, от своей полезности засиял улыбкой. При этом он показывал очень редкий частокол своих желтых зубов. Счастлив был и комиссар. Он от радости протянул руку мужчине и весело произнес:

– Ну, Василий, ты настоящий Кулибин... Я, честно говоря, и не верил, что ты все можешь так быстро сделать...

От неожиданной похвалы студенческого начальника Вася крикнул и искренне признался:

– Понимаешь, товарищ начальник, я ведь, по правде, даже и не электрик. Меня просто сюда закрепили на время сельхозработ. – Почесав пальцем за ухом, он очень тихо добавил. – У нас здесь всем правит Надька, она жуть какая строгая. Убьет, если под горячую руку попадешь... Это ведь она меня науськала спалки и бытовки не закрывать. Два года закрывал, а сейчас нет... В эту зиму только пару метров проводки вырвали и выкрутили лампочки. Зато двери и окна целые...

К сожалению, накормить студентов комиссару удалось только к вечеру. В совхозной столовой ничего из продуктов питания не было, кроме воды. В организации ужина опять была львиная заслуга Надежды Ивановны, так величали работники столовой свою заведующую хозяйством. Она взяла займы у односельчан мясо и другие продукты питания. Отбой в лагере произвели в двенадцать часов ночи. Начальник

лагеря и комиссар зашли в свою комнату через час.

Первая трудовая неделя для комиссара Чурсина пролетела незаметно. За это время удалось организовать работу и быт студентов. Был организован и их досуг. Во всем этом он видел и свою заслугу. В конце октября сельхозработы закончились. Неожиданно выпал снег, он уже больше не растаял. Сибирская зима пришла окончательно и надолго. Через час после приезда из совхоза Чурсин зашел в партийный комитет и положил на стол информацию о политико-воспитательной работе, которую под его руководством проделала партийная группа и комсомольская организация студенческого лагеря.

Для коллег своей кафедры он привез два ящика отборных яблок, подарок от управления совхоза. За два часа до отъезда из лагеря к нему подошел директор и стал благодарить его за хорошую работу студенческого отряда. Первокурсники всегда выполняли дневные задания, не было у них и нарушений дисциплины. Затем Иван Иванович, так звали начальника, повел его на склад. В самом углу большого помещения стояло около десятка ящиков с яблоками. Чурсин подошел к ним и стал лупить глазами. Он все еще не понимал, зачем его сюда привели. Увидев его недоуменный взгляд, директор улыбнулся и с иронией произнес:

– Егор Николаевич! Ты все еще не понял, что я от тебя хочу. – Чурсин слегка покрутил головой. Иван Иванович заразительно рассмеялся и нараспев пропел. – Да я тебе хочу

по-да-рок сде-лать. Какой ты непо-нят-ли-вый...

Лишь после этого комиссар понял, что от него хотят. Он внимательно посмотрел на начальника и спокойно ответил:

– Спасибо, Иван Иванович! К сожалению, яблоки я практически не кушаю... Мое лучшее блюдо – мясо с картошкой. – Он заразительно засмеялся и повернулся лицом к выходу. Директор продолжал настаивать на своем. – Николаевич, ты же не с Луны свалился... Дают – бери, бьют – беги... Потом на полном серьезе он добавил. – Это остатки спецзаказа для районного серого дома. Одним словом, возьми эти яблоки. – Чурсин тяжело вздохнул, и поблагодарив мужчину за подарок, взял на руки два ящика и понес их к автобусу.

По пути в институт он решил отдать все яблоки своим коллегам. Ящики он занес на кафедру и поставил их возле своего стола, до понедельника. В этот день у первокурсников начинались занятия. В понедельник утром он подошел к заведующему и рассказал о подарке. Горовой в сей миг известил об этом всех сотрудников. Отсутствующим лично позвонил по телефону. После занятий стали делить яблоки. За тамаду был Борис Григорьевич Кулаковский, который принес из институтского буфета небольшие весы. До назначенного времени он успел содержимое двух ящиков перевешать. Каждому на нос, согласно его подсчетам, приходилось по два килограмма. За третейского судью был сам заведующий кафедрой. Ровно в пятнадцать часов тамада назвал фамилию первого счастливого, которому предстояло получить бесплат-

но несколько яблок из остатка спецзаказа для партийных и советских работников. Им оказался Горовой.

Последним в списке был Чурсин. Ему досталось всего три яблока, которые были явно неаппетитного вида. Он взял их в руки и с улыбкой произнес:

– Спасибо и за это... Я, честно говоря, их и не кушаю... Просто я выполнил просьбу Ивана Ивановича...

В сей миг раздались дружные аплодисменты его коллег. Порученца директора все стали наперебой хлопать по плечу или пожимали руки. Особое усердие в благодарности проявил тамада. Кулаковский подошел к Чурсину, и крепко его обняв, с явной лестью прошептал:

– Молодец, Егорка, что привез подарочек... Я из-за болезни не могу ехать на уборку урожая, но душою я всегда с партией и с тобою...

Чурсин, кисло улыбнувшись, ничего в ответ не сказал. Он на прощание едва успел помахать старику рукой. Кулаковский уже закрыл за собою дверь. Он страшно торопился к своей супруге.

Личную признательность Чурсину выразил и Овчаров. Николай Иванович с улыбочкой подошел к своему коллеге, и крепко пожав ему руку, восторженно произнес:

– Егор Николаевич! Я за тебя очень горд... Ты настоящий человек, человек большой души и отзывчивости... – После этих слов он вытащил из целлофанового мешочка яблоко, и поднеся его к носу, вновь восторженно пропел. – Какой

чу-у-у-дес-с-с-ный запах! Будто я вновь побывал на земле солнечной Грузии...

Чурсин, после того как все покинули кафедру, устало опустился на стул. Настроение у него было на нуле. На душе скребли кошки. Он встал и с неохотой понес два пустых ящика на мусорную свалку, находящуюся неподалеку от тыльных ворот института. Затем вновь вернулся на кафедру. Тамада убедительно просил его отнести в буфет весы...

Молодой историк с каждым днем все увереннее вливался в профессорско-преподавательский состав института. Причиной этому была его необычайная работоспособность и порядочность. На первом же для него партийном собрании вуза лично сам ректор института вручил ему Почетную грамоту, которой он был награжден за умелую организацию политико-воспитательной работы в период уборки урожая. Чурсин, смотря в глаза седовласого руководителя, улыбался. Улыбался через силу. Он, да и не только он, знал о том, что третья часть картофеля осталась лежать под снегом. Еще больше важного продукта, без всякого сомнения, будет выброшено. Комиссар часто был возле хранилищ, из них несло зловонием.

Тему кандидатской диссертации Егора Чурсина преподаватели кафедры истории КПСС кооперативного института одобрили с первого захода. Все без исключения пришли к единому выводу, что организация свободного времени трудящихся по месту жительства во все времена была очень ак-

туальной для партии. Через месяц тему утвердили на опорной кафедре в Тарске. Бывшие наставники Чурсина на имя Горового написали специальное письмо, в котором подчеркнули не только актуальность и диссертательность темы исследования, но и выразили уверенность в успехе молодого таланта на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Главный историк «кооператива» с большим удовлетворением зачитал теплое послание ведущей кафедры сибирского региона перед своими коллегами. Затем попросил Анну Петровну отнести это письмо в партийный комитет и на другие кафедры общественных наук, для ознакомления. Старик сиял от радости. Сиял от радости и самый молодой историк вуза...

Первую зиму в Помурино Егор Чурсин не заметил, она пролетела для него почти мгновенно. Не ощущал он и сильных морозов, которыми природа наградила сибирский край. Для общения с природой, не говоря уже о дружеских встречах с людьми, у него просто-напросто не было времени. Основное время уходило на работу. Вне института он тоже работал. Сидел в областном партийном архиве, в библиотеках города. Домой приходил поздно вечером и от усталости валялся в кровать. Пищу для себя не готовил. Утром обходился чаем, обедал в институтской столовой. Вечером опять был чай. Хозяйке бабе Маше больших проблем не приносил. Она видела своего постояльца только ночью, когда проверяла его наличие.

День проходил за днем. Новенький все больше и больше узнавал подноготную своих коллег и сотрудников кафедры, в составе которой было десять преподавателей и три сотрудницы. Среди историков было пять доцентов, два старших преподавателя и три ассистента. Старческий возраст коллег радовал только что прибывшего. Он имел очень большие возможности на быстрое продвижение по лестнице научной карьеры. Все зависело только от него и не от какого-нибудь другого. В том, что он быстро защитит кандидатскую диссертацию и будет учиться в докторантуре, он уже нисколько не сомневался. От сладких мыслей ему на душе становилось хорошо. Иногда он не выдерживал и открывал небольшой шкафчик, в котором стояло несколько бутылок самогонки. Первач у отца всегда получался первоклассный. Он открывал бутылку и с наслаждением делал глоток. Больше не пил, боялся, даже очень боялся. Ему не хотелось попадать в черный список институтских алкоголиков. К тому же изготовление самогона преследовалось по закону. В том, что хозяйка его может сдать милиции, он сомневался. Она к старости, как ему казалось, вообще нюх потеряла. Специальная винтовая пробка вряд ли была для ее ума...

Наступила весна. Чурсин ждал ее с большим нетерпением. Ему предстояло вынести на обсуждение кафедры первый раздел своей диссертации. Несмотря на то, что раздел был теоретический, он работал с большим усердием. Хотел в какой-то мере компенсировать отсутствие своего научно-

го руководителя. На его кафедре не было специалиста по этой проблеме. Обращаться в университет, он воздержался. Опробация своего научного труда у историков «кооператива» могла сослужить ему только пользу. До очередного заседания кафедры оставалась одна неделя. Он раздал каждому коллеге лично в руки по одному экземпляру первого раздела диссертации. Заседание кафедры было назначено на первый понедельник апреля. В этот день у историков не было занятий.

Уверенность в том, что обсуждение раздела пройдет без сучка без задоринки, прибавляла ему сил и настроения. По институту он ходил с гордо поднятой головой. Все преподаватели и сотрудники, да и многие студенты, знали, что красивый и очень умный, и самый молодой из «старой» кафедры, так иногда называли историков «кооператива», пишет диссертацию. Кое-кто при встрече с ним крепко жал ему руку и интересовался его научными успехами. В том, что они уже есть и еще вот-вот придут, он нисколько не сомневался. Его также подкупало теплое и дружеское отношение своих коллег по кафедре к его собственной персоне. Почти по-отцовски к нему относился заведующий кафедрой, который однажды пригласил его к себе домой на квартиру. Чурсин любезно отказался. Ему было жалко своего драгоценного времени. Семинарские занятия со студентами, всевозможные консультации отнимали у него много времени. Он также хотел показать шефу, что наука для него куда дороже, чем его рас-

сказы, как участника Великой Отечественной войны. Горовой часто делился своими воспоминаниями о войне как перед студентами, так и перед сотрудниками вуза.

Заседание кафедры началось ровно в девять часов утра. Обсуждение первого раздела диссертации преподавателя Чурсина было первым и основным вопросом. Чурсин вошел в комнату последним. В руках у него была огромная кипа всевозможных бумаг и книг. Заметив рабочее состояние молодого коллеги, заведующий кафедрой от удовольствия расцвел в улыбке и громко произнес:

– Товарищи ученые! Мне приятно видеть, что наш Егор Николаевич настойчиво грызет гранит исторической науки... Мне очень приятно, очень приятно...

Из сидящих никто ничего нового по поводу настойчивости вошедшего не добавил. Они только весело рассмеялись и дружно захлопали в ладоши. Моральная поддержка коллег приободрила молодого преподавателя. Он сначала степенно сел на стул, стоящий в центре комнаты, затем встал и, хмыкнув себе под нос, уверенно начал говорить:

– Уважаемые товарищи! Политическое руководство организацией свободного времени населения, в том числе, и нас, было и остается одним из основных направлений деятельности Коммунистической партии Советского Союза...

Обсуждение первого раздела научной работы молодого историка Чурсина довольно затянулось. Оно длилось почти два часа, без перерыва. Никто из курильщиков не вышел на

балкон, чтобы затянуться сигаретой. Не взял в рот сигарету и заведующий кафедрой, который раньше никогда не упускал возможности смачно затянуться. Только к обеду кафедре опустела. Последним выходил Чурсин. Его лицо было розовым и светилось от неподдельной радости. Он сразу же поехал к себе домой. Хозяйки в этот день не было. Она уехала в деревню к своей подружке. Как надолго уехала, она ему не сказала. Может и хотела, но не смогла. Днем его никогда не было. Ночью он спал, спал как убитый.

Отсутствие хозяйки квартиранту было на руку. Одиночество, как он считал, способствовало его таланту, делало его даже счастливым. Он быстренько достал из холодильника три яйца и разбил их, затем поджарил их на сковороде. Яичница и чай стали для него постоянными блюдами. И не потому, что у него не было продуктов питания. Холодильник был до отказа набит мясом и домашним салом. Чурсин в большинстве своем не занимался приготовлением пищи из-за нехватки времени, иногда ленился. Скорее всего, ленился от обилия мыслей. Его мозг был в постоянном напряжении, день и ночь. Он прокручивал молодому человеку десятки вариантов написания диссертации.

От обилия новых мыслей Чурсин иногда приходил к выводу о бессмысленности своей темы исследования. На какие-то короткие моменты он впадал в панику. Ему хотелось все бросить, забиться от людей куда-нибудь подальше, отвлечься от сотен умных цитат и указаний.

Прошедшее заседание кафедры все его сомнения отбросило, притом очень далеко и навсегда. В том, что его тема исследования диссертательна, и он в скором будущем станет самым молодым ученым среди обществоведов «кооператива», он уже нисколько не сомневался. Сейчас, лежа в постели, он лениво, но с очень большим наслаждением прокручивал почти по минутам ход обсуждения его научной работы. Оно прошло на ура. Хотя первый раздел дался ему нелегко.

Он прочитал десятки научных сообщений, книг, монографий по исследуемой теме. Он также тщательно проштудировал работы В. И. Ленина, документы партии, посвященные этой проблеме. За месяц до заседания кафедры его рукопись раздела была готова, она была порядка двухсот страниц. От объема писанины ему стало не по себе. Он прекрасно знал, что любая диссертация по исторической науке, согласно требованиям Высшей Аттестационной комиссии при Совете Министров СССР, должна быть не больше 200-220 страниц, включая источники. Его же диссертация состояла из пяти разделов. Первый раздел, исходя из сложившихся традиций в ученом мире, должен быть самым маленьким по объему. Времени было в обрез. Он начал форсировать сокращение раздела. За пару недель это ему удалось сделать. Неожиданно возникла другая проблема. Рукопись предстояло напечатать. Он обратился к Анне Петровне, та обещала посодействовать. Через день у него были номера телефонов двух машинисток, которые брались напечатать рукопись

в сжатые сроки. После множества звонков ему пришлось отказаться от этой идеи. За один печатный лист пожилые женщины брали по 40 копеек, за срочность еще по 10 копеек. Один лист обходился 50 копеек. Лишних денег у него не было.

Корявый почерк также требовал его личного присутствия во время печатания. Его выручила секретарша кафедры философии, которая, узнав о бедах нищего ассистента, предложила ему свою личную печатную машинку. Предложила с одним условием – печатать только в методическом кабинете. Алла Ивановна не хотела, чтобы ее пишущая машинка, стоящая на учете в милиции, находилась вне ее контроля. Чурсин от радости чуть ли не расцеловал молодую женщину. Он уже имел определенный опыт работы на портативной пишущей машинке, который приобрел при написании конкурсных и курсовых работ в университете. Копировальную и писчую бумагу ему пришлось покупать самому, с большой переплатой...

Сейчас все мысли о прошедших трудностях отошли на второй план. Его радовало, что все его коллеги по исторической науке дали высокую оценку его теоретического раздела. Он тихо рассмеялся, когда вспомнил выступление Виктора Ивановича Тарасова, ассистента кафедры, бывшего военного политработника. Его выступление было последним. Пожилой мужчина с большой плешинной на маленькой голове после положительной рецензии на труд своего коллеги в заклю-

чение патетически произнес:

– Уважаемые коллеги! Мои товарищи по духу и партии! Я нисколько не сомневаюсь, что перед нами стоит очень талантливый и очень гениальный молодой человек, который, без всякого сомнения, внесет значительный вклад в развитие марксистско-ленинской теории и в усиление руководящей роли нашей партии...

У соискателя на ученую степень чуть ли не выступили слезы. Он уже хотел сделать шаг в сторону своего старшего товарища, чтобы его обнять. Однако тот его опередил. Тарасов, словно он был на военном параде, четко отпечатал три шага в сторону молодого человека, покрасневшего от лестной оценки рецензента, и затем его крепко обнял. Тотчас же раздались жидкие аплодисменты сидящих...

Сдавать кандидатские экзамены Чурсину предстояло в некогда родном университете. Это его очень радовало. До города Тарска было триста километров, Скорый поезд преодолевал это расстояние за четыре часа, пассажирский – около шести часов. Первым экзаменом был иностранный язык. Немецкий язык ему давался очень легко. В том, что он получит по этому предмету отличную, в самом худшем случае, хорошую оценку, он не сомневался. Экзамен назначили на конец мая. Чурсин ехал до Тарска в общем вагоне пассажирского вагона, сэкономил деньги. Поезд прибыл в пункт назначения с опозданием, что вполне его устраивало. До начала экзамена оставался один час свободного времени. Он

неспеша покинул вагон и пошел в сторону привокзального рынка, намереваясь купить большой букет роз. Он уже знал, что председателем государственной комиссии будет Инна Владимировна Кускова, заведующая кафедрой иностранных языков. Эта очень симпатичная женщина была без ума от красных роз, которые ей преподносили студенты во время сдачи экзаменов или преподаватели-мужчины во время ее дня рождения.

По университету о профессорше ходили разные слухи. Одно все знали точно, что она всю жизнь была холостячкой. Главное в ее жизни была наука – немецкий язык, главное ее хобби всегда и везде – тот же немецкий язык. Родилась она в Тарске, здесь же окончила университет и аспирантуру. Через пять лет в Москве защитила докторскую диссертацию. Студент Чурсин всегда восхищался этой работоспособной и талантливой женщиной, зная о том, что немецкий язык по сложности не есть история. Несмотря на различие научных призваний и хобби, они имели одно общее. И это общее определила, скорее всего, судьба. Оно было связано с одним человеком, с одним общим кумиром для студента и профессорши – Эрнестом Чегеварой. Чурсин родился в день рождения легендарного кубинского революционера – 14 июня, ровно через тридцать лет. Кускова родилась ровно тридцать лет до дня его смерти – 9 октября. Наставница и ее подопечный об этом узнали совершенно случайно, когда разговорились в общезитии на одном из политических вечеров...

Чурсин облегченно вздохнул, когда увидел старушку небольшого роста, стоящую возле главного входа рынка. В ведре у нее стояло около двух десятков красных роз.

На экзамен он опоздал на целых полчаса. Опоздал не по своей вине, сломался трамвай. Он об этом нисколько не сожалел, когда открыл дверь аудитории, где ему предстояло сдать экзамен. И на этот раз он в своих рассуждениях и предположениях не ошибся. Не успел он открыть дверь, как ему навстречу поднялась Кускова. Она, увидев бывшего студента, весело улыбнулась и тихо промолвила:

– Гошенька, как ты повзрослел и стал таким серьезным... Мне даже не верится, что ты только вчера рассказывал мне политическое устройство социалистической Германии...

Бывшего студента очень обрадовало приподнятое настроение его бывшей наставницы. Он, слегка прикоснувшись рукой к ее плечу, с улыбкой протянул ей розы. Она от радости слегка чмокнула его в щечку и с умилением произнесла:

– Егор Николаевич, ты опять в своем амплуа, опять как всегда... – Немного подумав, она с ехидцей произнесла. – И еще... Вы пришли последним на экзамен, извольте и последним его сдавать, сударь...

Затем она направилась к своему столу, Чурсин последовал за ней. Экзаменуемый не сразу стал тянуть билет. Не против этого была и экзаменаторша. Им обоим нетерпелось поговорить. Дабы не мешать тем, кто уже готовился к ответу, они перешли на шепот. Мужчина первым рассказал женщи-

не о своих успехах. Он знал по своему собственному опыту, что ее интересуют только научные проблемы. Успехи подопечного Кускову очень радовали. Во время разговора глаза красивой женщины и красивого мужчины встречались и на какие-то доли секунды замирали. Первым не выдерживал Чурсин. Он мгновенно отводил свои глаза в сторону и его лицо, как ему казалось, от внезапного волнения становилось красным.

Розовом было и лицо очаровательной блондинки. Мало того. Она на какой-то миг останавливалась в своих рассуждениях или вопросах, затем принималась стучать пальцами своих красивых рук по столу. Он нисколько не сомневался, что эта женщина сейчас переживает за своего питомца. И не только о нем. В университете знали, что она все делала возможное и невозможное для своих студентов. Она довольно часто просиживала с нерадивыми до позднего вечера, чтобы вдолбить двоешнику азы немецкой грамматики. Своему предмету, который в вузе, да и в большой стране, находил все меньше и меньше поклонников, ученая отдавала все и вся.

Были у нее и свои любимцы, в число оных входил и Егорка Чурсин. Она любила его за усердие и настойчивость при изучении немецкого языка. Ее очень радовали успехи этого молодого человека. Его имя звучало на молодежных собраниях, на совещаниях у ректора и в деканатах. О нем писали в многотиражной газете университета. В том, что это высокий красивый парень далеко не болван, она убеждалась на своих

занятиях. Он всегда имел по ее предмету только отличные оценки. Ее радовало и то, что он свободно и почти без всякого акцента говорил по-немецки.

И на этот раз любимчик оправдал ее надежды. Он уверенно ответил на вопрос о неопределенной форме глагола. Без проблем справился и с переводом немецкого текста. Третий вопрос был на свободную тему. Чурсин выбрал ГДР. За пару дней до отъезда в Тарск он купил в Доме политической книги небольшую брошюру на немецком языке, в которой рассказывалось о достижениях социалистической Германии. Все три экзаменатора были едины: ответы соискателя заслуживают отличной оценки. Чурсин вышел из аудитории последним. Остались лишь члены Государственной комиссии, для совещания. Сдача экзамена у него порядочно забрала сил, ему захотелось кушать. Он неспеша пошел в столовую для преподавателей, она была пустой. Он купил пирожное и стакан чая, затем присел за отдельный столик, стоявший возле окна. Сделав большой глоток темной жидкости, он немного расслабился. Невольно закрыл глаза. Только сейчас он понял, что за время после окончания университета он довольно быстро устал. Устал основательно. Скорее всего, напряженный график работы и многочасовое сидение в библиотеках давало о себе знать...

Неожиданно возле буфетной стойки раздался знакомый голос. Он открыл глаза и увидел Кускову, которая делала заказ. Затем раздался стук ее каблучков розовых туфель. При-

сев за столик, она повернулась, и увидев напротив себя знакомого мужчину, с удивлением сказала:

– Гошенька, я уже думала, что ты уже в поезде на пути домой... Я не ожидала, что мы еще когда-нибудь с тобою встретимся...

Затем она взяла в свои руки небольшой поднос, на котором стояла бутылка минеральной воды и лежал небольшой кусочек прижогого, и решительно направилась к его столику. Чурсин быстро встал и вежливо пригласил ее присесть. Столовую они покинули очень быстро. Погода была отменная, хотелось подышать свежим воздухом. Время близилось к полудню, солнце припекало все больше и больше. Во время прогулки никто из них первым не начинал разговор. За столиком в столовой ни бывший студент, ни его наставница серьезного разговора также не вели. Они обмолвились лишь несколькими словами о хорошей погоде и только.

Незаметно подошли к реке. Чурсин, увидев синюю гладь Иртыша, первым нарушил молчание:

– Инна Владимировна! А Вам наш городской парк нравится?

Профессорша, скорее всего, такого примитивного вопроса от бывшего отличника учебы никак не ожидала. Ей всегда нравились только заумные вопросы и проблемы, в которые она погружалась днем и ночью. Она несколько подалась вперед и с неохотой произнесла:

– Гошенька, ты, словно в воду глядел... Вчера наша «Ве-

черка» писала, что все наши жители без ума от городского парка... Сударь мой, наверное, оттуда этот вопрос передрал. Я правду говорю?

Затем она весело засмеялась, оскалив свои белые красивые зубы. За все студенческие годы Чурсин никогда не видел такой ослепительной улыбки, которую сейчас ему подарила эта женщина. Он на какое-то время опешил и замолчал. Молчала и та, которая шла рядом с ним. Молчание на какое-то время объединило бывшего студента и профессоршу для их единого желания – посетить любимое место отдыха горожан. Они также любили городской парк. С ним у них было много общего и одновременно много личного, потаенного. Инне всегда нравился этот небольшой кусочек земли, примыкающий к водной глади сибирской реки. Парк был обрамлен двумя рядами синих елей, которые не только привлекали на себя взор отдыхающих, но и испускали целебный воздух.

Она еще девочкой часто бывала здесь со своими родителями, которые работали в университете. Отец был профессор математики, мать преподавала немецкий язык. Дочь у них появилась очень поздно. Нина родила первого и единственного ребенка почти в сорок лет. Для тех времен это было необычным явлением. Девочка родилась недоношенной, довольно часто болела. Умные люди стали спорить, каждому не хватало времени. Муж заканчивал докторскую диссертацию, жена работала над кандидатской. Бытовые усло-

вия также не укрепляли любовь и взаимопонимание между ними. Семья ученых жила в трехкомнатной квартире с подселением. Кусковы занимали большую комнату, в двух других маленьких жила семья с тремя детьми. Соседи оказались пьяницами и далекими от цивилизации.

Они почти каждый день пили, иногда брались за кухонные ножи. В разборках, как правило, всегда брал верх мужчина. Побежденная женщина нередко вместе со своими детьми искала спасение у людей, ведущих трезвый образ жизни. Ученые всегда впускали ее в свою комнату. Пьяница боялся к ним сунуть свой нос. Владимир Кусков никогда не жаловался на дебоширов в милицию. Считал, что все это бесполезно. Не устраивал с ними и разборок. Нотации воспитательного плана были, даже много. Однажды во время очередного приема соседка пожаловалась, что ее муж по пьянке хочет много секса, почти каждую ночь. Проболталась и о своих многочисленных абортах. Последнее очень сильно разочаровало трезвенников, особенно мужчину. С этого момента Кусков наотрез отказался содействовать женщине в ее защите. Ежедневные пьянки и дебоши соседей сильно нервировали семью преподавателей. Особенно тяжело приходилось матери Инны, которая приходила в комнату со слезами, когда видела на общей кухне горы немытой посуды. Приходилось просить убрать. Через день горы грязной посуды вновь заполняли кухню. Вонючий запах то и дело проникал в комнату. Закрывали плотно дверь и открывали настежь единственное

окно. Летом еще было какое-то спасение – выходили почти каждый день гулять. В свежем воздухе особенно нуждалась больная девочка. Зимой было значительно тяжелее. Суровая сибирская зима не щадила никого.

Инна Кускова потеряла свою мать, когда ей было десять лет. В смерти ее матери повинен был муж соседки, несусветная пьянь. Случилось это под Новый год, за два часа до наступающего праздника. Сосед успел уже основательно напиться, и увидев на кухне симпатичную соседку, стал к ней приставать. Она громко закричала и позвала на помощь своего мужа. Он, к счастью, оказался дома и сразу же ринулся на кухню. Он двумя мощными руками приподнял неказистого мужичка и прижал его к окну. От сильного натиска стекло лопнуло. Владимир не кричал и не бил соседа, он только со злостью смотрел на его пьяную рожу. Выкинуть соседа через окно, помешала ему жена.

Она, видя то, что схватка может привести к непредсказуемым последствиям, быстро подбежала к мужу и с мольбою прошептала:

– Володя, будь добр, не связывайся с этим подонком... Ведь у тебя докторская на носу...

На этот раз нервный стресс для Нины Кусковой не прошел бесследно. В первом часу наступившего нового года ей стало плохо. Появились сильные боли в сердце. Ее муж побежал к телефонной будке. У него мгновенно выступили слезы, когда он увидел оборванный провод. Только через час ему удалось

привести бездыханное тело своей жены в больницу. И здесь не повезло.

Дежурный врач был настолько пьян, что не мог установить точный диагноз. Устанавливать что-либо было уже бессмысленно. Кусков сам прощупал пульс жены и горько заплакал. Она была мертва. Прошло три года. Владимир Кусков успешно защитил докторскую диссертацию и через год стал профессором. Еще через полгода получил прекрасную трехкомнатную квартиру в самом центре города...

Размышления профессорши неожиданно прервал Чурсин, который уже давно заметил уединение женщины. Он улыбнулся и предложил купить ей и себе мороженое. Кускова не отказалась. Вскоре они уселись на скамеечку в самой глубине парка и принялись наслаждаться сладким кушаньем. Никто не скрывал, что каждый из них впервые в этом году лакомился сливочным пломбиром. Чурсина неожиданно стало знобить. Причиной этому, наверняка, было мороженое или сквозняк, который господствовал в общем вагоне пассажирского поезда. Ему в сей миг захотелось тепла и музыки. Он с улыбкой посмотрел на Кускову и неожиданно для себя произнес:

– Инна Владимировна, а что, если я Вас приглашу в ресторан? Как Вы на это смотрите?

Сказав это, он сжался в единый клубок, как ежик. Его сейчас интересовала реакция женщины на свое неординарное, даже ошеломляющее предложение. Кускова не ожидала

такого подвоха от бывшего студента. Она с удивлением посмотрела на молодого человека и серьезно спросила:

– Гоша, а в каком качестве ты меня хочешь пригласить? Как бывший студент или как преподаватель истории?

Вопрос наставницы ошарашил Чурсина. Он густо покраснел и на какой-то миг поник. Маленькие капельки пота внезапно появились на его лице, повлажнили руки. Однако он делал вид, что с ним ничего такого страшного не произошло. Затем, он и сам не зная почему, быстро встал со скамеечки, и протянув блондинке руку, уверенно произнес:

– Я приглашаю Вас, Инна Владимировна, как настоящий историк и как будущий академик...

Кускова слегка улыбнулась и протянула руку молодому мужчине, который оставался для нее всегда студентом и сыном был по возрасту. Чурсин от радости сильно сжал ее руку и пристально посмотрел ей в глаза. Он впервые в своей жизни так внимательно смотрел в глаза этой женщины. Они были голубого цвета и очень умными. В них было еще что-то заманчивое, что ему сейчас было невозможно определить и понять. Одно он уловил в этот момент. Нежная ручка профессорши почему-то невольно вздрагивала в его сильной руке.

Ресторан находился на самом берегу Иртыша. Название «Поплавок» в какой-то степени было для него правильным. Он стоял на мощных сваях, которые были вбиты в нескольких метрах от берега. Посетителей в ресторане не было, что

очень обрадовало вошедших. Они оба были кумирами полнейшей тишины и человеческого приличия. Они очень редко посещали подобные заведения. В этом призналась Чурсину и Кускова, как только они вошли в ресторан. Он на ее реплику ничего не ответил, только слегка усмехнулся. Он сам в ресторане был только дважды. Один раз в Марьино, когда отцу отмечали полувековой юбилей. Второй раз он побывал в ресторане в Тарске, куда его пригласил однокурсник, которому исполнилось четверть века. Студент Чурсин в этот жаркий вечер впервые в жизни осушил полный стакан водки. От предложенного коньяка любезно отказался. На выбор спиртного, скорее всего, повлияла домашняя обстановка. У Чурсиных всегда в холодильнике стояла водка и первач. Дома не пил, в ресторане решился.

Едва они открыли дверь, как перед ними появился молодой официант. Он кивком головы поприветствовал своих клиентов и предложил им небольшой столик, стоявший в самом углу небольшого помещения. Вошедшие его предложению очень обрадовались. Они хотели, как это было возможно, меньше показываться на глаза городской публике. Чурсин вежливо предложил стул женщине и стал изучать меню. Пробежав глазами по небольшой бумажке, он неслыханно обрадовался. Его денежных запасов на посещение этого заведения хватало с лихвой. Он сразу приосанился, окинул взглядом Кускову, все еще читающую меню, и с огромной радостью объявил:

– Инна Владимировна! У нас есть повод для сегодняшнего застолья... Ваш бывший студент пару часов назад успешно сдал немецкий. В моем успехе, конечно, есть Ваш труд и талант...

Испускать лестные дифирамбы в свой адрес ему помешала сама Кускова. Она, состроив по-детски глазки, с удивлением посмотрела на Чурсина, затем помахала указательным пальцем в его сторону и с некоторой ехидцей в голосе тихо прошептала:

– Ах, ты, мой любимчик! Почему ты сегодня мне так сильно лебезишь? Или тебя уже испортили взрослые историки? – Недождавшись ответа, она очень серьезно добавила. – Егор Николаевич, пожалуйста, не думай, что сегодняшнюю пятерку поставила тебе только я одна... Ее тебе поставила Государственная комиссия...

После некоторого молчания она слегка покачала головой и вновь уткнулась в меню. Вскоре к столику подошел официант. Чурсин, даже не напрягая свои органы обоняния, понял, что он уже успел пропустить рюмку спиртного, а, может, и больше. Миша, так представился мужчина, поднял голову к потолку, и словно пришибленный, громко отчеканил:

– К большому сожалению, я от имени нашего коллектива должен проинформировать прекрасную мамочку и прекрасного сына, что у нас сегодня ожидается очень скудное меню по причине утреннего отсутствия электрического тока в нашем заведении...

Чурсин со злостью посмотрел на официанта и невольно посмотрел на приглашенную. Она сидела словно застывшее изваяние. Лицо ее была розовым, даже красным. Он резко одернул официанта за его белую курточку и со злостью прошипел:

– Ты, обслуга, давай говори, что у тебя есть... И еще... Держи свой вонючий язык за зубами...

Больше он ничего говорить не мог. Злоба его просто-напросто душила. Он уже давно бы врезал этому дебилу в морду. Сдерживало его лишь одно – присутствие очаровательной женщины. Он сейчас и раньше прекрасно знал, что по возрасту она ему годится в матери. Однако сегодняшнее умозаключение постороннего человека, он принял для себя и для Кусковой оскорблением. Почему он так это считал, он и сам не понимал. К сожалению, приятного и обильного застолья не получилось. Миша предложил для своих клиентов котлеты с макаронами и чай с сахаром. Из спиртного было только красное вино. Ничего не оставалось делать, как со всем этим согласиться.

После ресторана они вновь стали бродить по парку. За время прогулки они молчали, лишь пару раз обмолвились плохим сервисом «Поплавка». Молчание очень сильно угнетало Чурсина. Он то и дело бросал взгляд в сторону очаровательной спутницы и все время терялся в догадках, о чем она думает. Кускова шла молча, и глядя себе под ноги, все размышляла. Иногда она замедляла шаг и поднимала голо-

ву к небу, по которому ползли небольшие кучки облаков. Ее примеру следовал и молодой человек, идущий рядом с ней. Сейчас она этого человека не замечала, не хотела замечать. Дурное воспитание официанта на какой-то миг вырвало у нее теплоту чувств, которые она совсем недавно имела к своему студенту. От этого она злилась, ненавидела себя и того, кто шел с ней рядом...

Неожиданно похолодало. О себе дала знать водная гладь сибирской реки. Да и время уже подкрадывалось к вечеру. Посетители парка начали в спешном порядке покидать свое любимое место отдыха. Их примеру последовал и Чурсин со своей спутницей. За несколько метров до выхода из парка он остановился и с силой привлек ее к себе. Сделал это он спонтанно, даже невзначай. Почему он это сделал и продолжал делать, ему самому было непонятно. Скорее всего, его это заставляли делать неуправляемые им внутренние силы души, которые истосковались по женской ласке и доброте. Он сжал в своих объятиях стройную фигурку блондинки и внимательно посмотрел в ее глаза. В ее глазах были слезы. И эти слезы добавили ему не только жалости к этой женщине, но и прибавили ему смелости. Он вновь прижал ее к себе и тихо произнес:

– Инна, Инночка, я хочу быть сегодня с тобою, только с тобою... Ты меня слышишь?

Профессорша на какой-то миг прильнула к груди молодого человека, а затем резко отпрянула от него и ринулась

прочь. Чурсин от неожиданности опешил. Однако это длилось очень недолго. Он, набрав в свои легкие, как можно больше воздуха, и стиснув зубы, ринулся вслед за женщиной, которая уже подбегала к автобусной остановке. Он неслышанно обрадовался, когда увидел автобус, который только что «отчалил» от остановки. Кускова, убедившись в том, что она на автобус опоздала, замедлила бег. Через несколько мгновений он подошел к ней и взял ее за руку. Ее руку он не выпускал до самого порога ее квартиры.

Кускова жила в кирпичной девятиэтажке, в самом центре города. Трехкомнатная квартира находилась на четвертом этаже. Дополнительную комнату ее отец получил, как профессор. Молодому гостю нравилась все, что было в квартире. Особенно его поразили небольшие картины, посвященные природе. Их было около десятка. Увидев недоуменный взгляд Чурсина, хозяйка произнесла:

– Эти картины рисовал мой папа... Сибирская природа была его хобби...

Темное одеяло ночи все больше и больше окутывало город. Хозяйка постелила гостю в комнате своего отца. Затем она предложила ему принять ванну. Чурсин с радостью принял предложение. Он зашел в ванную комнату и открыл кран с горячей водой. Страсть к горячей воде, горячему пару он приобрел еще с самого детства, когда с отцом ходил в собственную баню. Отец любил жаркую баню, парился до изнеможения. Маленького сына он в прямом смысле кидал

на полук, поддавал воды на раскаленные кирпичи и принимался отчаянно хлопать березовым веником по голому телу мальчишки. Сначала Егорка страшно сердился на отца, часто плакал, однако, затем привык. Уже с десятого класса парился с отцом наперегонки. Поджарый и долговязый мужчина все больше и больше уступал первенство своему высокому и выносливому ребенку.

Через некоторое время Чурсин опустилсЯ в ванну и закрыл глаза, принялся размышлять. Он все еще не мог представить себе то, что он сегодня совершил в парке. Происшедшее не умещалось в его голове. В том, что он поступил опрометчиво, даже очень нагло, он уже несколько не сомневался. Что его в тот момент осенило или угораздило, он до сих пор по-настоящему не понимал. Вполне возможно, толчок для этого дал стакан вина, а может, и красота наставницы, которая была одной из самых красивых женщин университета. Егор Чурсин, еще будучи студентом, как и многие его однокурсники, «прокручивал» в своей голове и в сердце естественную красоту средних лет женщины и сравнивал ее с красотой студенток, которые были значительно ее моложе. Юноша всегда отдавал пальму первенства старшей. Первенствовала она и сейчас.

После ванны он направился в комнату и сразу плюхнулся в постель. У него очень приятно заныло тело, сказывалась почти круглосуточная беготня. Думать о высоких материях ему в этот момент не хотелось. Его тело и его мозг отды-

хали, отдыхал и весь организм. Отдыхал, как загнанная лошадь, которая день и ночь таскала тяжести, забыв обо всем на свете. Неожиданно по коридору раздались легкие шаги, затем что-то зашумело. Чурсин понял, что хозяйка вошла в ванную комнату и включила воду. Он, недолго думая, быстро вскочил и на цыпочках подошел к ванной комнате. Затем приложил ухо к двери и замер. Открывать ее он не стал. Не от страха, а от уважения к этой прекрасной женщине. Ему казалось, что, в противном случае, она его намерения поймет неправильно, и все это может кончиться непредсказуемо.

Минут через двадцать дверь ванной открылась и появилась Кускова. Она была в ночной сорочке розового цвета. Ее полукороткие белые волосы были еще слегка влажными. Лицо было розовым и дышало свежестью. Свежестью дышало и все ее тело. Она, увидев перед собою голого мужчину, неожиданно отпрянула, даже слегка попятилась назад. Затем сильно ойкнула и внимательно посмотрела в глаза того, кто стоял возле двери. Он и она, они оба вместе смотрели в глаза друг друга. Смотрели очень внимательно и не отводили их в сторону. Голубые глаза очаровательной блондинки в этот миг особенно нравились нагому мужчине. Чем пронзительнее он вглядывался в их голубизну, тем больше убеждался в одном. В этих глазах господствовала тоска, тоска по любви. Он с силой прижал к себе хрупкое тело женщины и страстно поцеловал ее в губы. Она с нескрываемой радостью при-

няла его поцелуй и закрыла глаза. В этот же миг она оказалась в сильных мужских руках, которые бережно понесли ее в спальню...

Они пришли в себя только ранним утром. Всю ночь они принадлежали любви, любви страстной и ненасытной. Для Егора Чурсина это была первая ночь в его жизни, которую он провел с женщиной. И этой женщиной оказалась очень красивая блондинка, его наставница. Ее красота и ее страсть тянули его к ней вновь и вновь. И он шел навстречу этой красивой женщине, которая с каждым ее движением и с каждым ее поцелуем становилась частицей его жизни.

В эту ночь он очень многое узнал из жизни красивой хозяйки, которая все говорила и говорила. Он ее не перебивал, давал возможность ей выговориться, как старшей по возрасту. Ей было уже сорок три, ему всего лишь двадцать два года... Ее жизнь, как оказалось, была для него во многом неведомой. Несмотря даже на то, что они вместе провели в стенах университета почти пять лет. Водораздел между их судьбами был куда больше, чем общее. Во время своего монолога Кускова иногда плакала, что вызвало неподдельное беспокойство у ее любовника. Он то целовал ее в губы, то осыпал поцелуями ее глаза, из которых катились маленькие капельки соленоватой жидкости. В этот момент она замолкала и прижималась к молодому и очень сильному телу мужчины. На какое-то время они сплетались в единый живой клубок и отдавались любви...

Утро подошло очень незаметно. Лучи весеннего солнца все настойчивее проникали в спальню. Никто не хотел вставать. Влюбленные пришли к единому решению. Сначала еще немного поваляться и понежиться в постели, затем покушать. Чурсин едет домой только в воскресенье. Он «семинарит» с понедельника. У профессорши Кусковой занятий в этот субботний день не было. Встали они в десять часов утра. Выползти из-под одеяла их вынудил страшный голод. Через час они уселись за стол.

Распорядительницей застолья была хозяйка. Ее глаза в это утро необычайно светились, что очень радовало гостя. Он был особенно счастлив, когда она, наполнив два бокала шампанским, подошла к нему и прильнув к нему губами, тихо прошептала:

– Гошенька, мне было очень приятно сегодня с тобою... Я очень благодарна тебе за все это, мой любимый...

Она тотчас же услышала в ответ:

– Мне также было очень приятно с тобою... Я счастлив, что первой женщиной в моей жизни была именно ты, моя Инна...

Они почти одновременно пригубили бокалы и через несколько мгновений их губы сомкнулись вновь. Очередное наступившее утро пришло также стремительно, как и ушел прошедший день. Егору Чурсину никак не хотелось покидать гостеприимный уголок, в котором жила очень красивая женщина. Он все больше и больше хотел целовать ее нежное

тело и быть в плену ее страстной любви. Он еще долго стоял на улице и махал рукой женщине, стоявшей возле окна. В том, что она плакала, он нисколько не сомневался. Как не сомневался, что через полгода он вновь окажется в ее жадных объятиях.

По приезду на вокзал Чурсин изменил своей привычке. Вместо общего вагона он купил билет в плацкартном вагоне. Он хотел, как можно скорее, вытянуться на отдельной полке и укрыться чистой простыней, словно она еще держала в себе тепло и страсть очаровательной женщины. Через полчаса он погрузился в море мыслей и воспоминаний, которые были ему навязаны за время сиеминутной встречи с Инной Кусковой. Чем больше он размышлял, тем однозначнее был его вывод. Без этой блондинки он уже не представлял свою дальнейшую жизнь. Все боли, которые пережила эта женщина, сейчас проходили и через его сердце. Судьба вчерашней наставницы для бывшего студента была сегодня ему далеко небезразлична. Причиной этому была его любовь к Инне. Он сейчас в равной степени с нею сопереживал все трудности ее жизненного пути. У его любимой рано умерла мать. Через десять лет после ее смерти умер отец. Его фотография в траурной рамке до сих пор находилась на стенде участников Великой Отечественной войны. Инна каждый день проходила мимо фотографии своего отца, проходила со слезами на глазах. Несмотря на то, что ее отец был известный профессор, карабкаться по каменистой тропе науки пришлось

ей самой, и только одной.

Любви, как таковой, у нее также не получилось. Причиной этому была ее повседневная занятость, а, может, и ее жизненные завихрения. Чурсин очень долго смеялся, когда она рассказала ему о своей любви к студенту, которого любила больше своей жизни. Юра учился на историческом факультете, что и Чурсин, только почти четверть века назад. Инна сразу же заприметила парня, который был симпатичным, да и говорить хорошо умел. Он частенько выступал на торжественных мероприятиях. Первое знакомство молодых людей произошло на праздничной демонстрации, посвященной Первому мая, дню Международной солидарности всех трудящихся. Инке в этот день страшно не повезло. В огромной колонне демонстрантов она нечаянно подскользнулась и сломала каблук своего сапога. Волей-неволей пришлось покинуть своих однокурсников и забежать за угол огромного здания. Она сняла сапог и стала его чинить. Вдруг, откуда не возьмись, перед нею появился Юрка. Он по естественной надобности отстал от своей колонны. Попытка юноши починить ее сапог также не удалась. Они побежали на колхозный рынок к сапожнику. За ремонт и за срочность Юрка заплатил целый рубль. Через полчаса молодые люди, сломя голову, стали догонять свою колонну. Попасть к своим сокурсникам им не удалось. Милиционеры и строгие дяди в кожаных пальто объяснения студентов не слушали. Без разрешения стражей правопорядка они не решились нарушить стройные

колонны демонстрантов. Им не удалось в этот день пройти мимо торжественной трибуны, на которой восседала местная власть. Они об этом и не сожалели. Юрка предложил девушке сходить в кафе, та не отказалась. Через неделю они опять встретились. Затем стали встречаться каждый день. Прошел год. Никто из влюбленных о предстоящей свадьбе не говорил. Откровенно говоря, они этих мыслей в своей голове и не держали. Студенты – малолетки, так иногда называли студентов первых и вторых курсов преподаватели университета, очень редко образовывали семейные узы. Им не до этого было. Кое-кто из малолеток еще втягивался в студенческую жизнь, да и финансовое положение было у многих не ахти какое. О семейном общении, говорить не приходилось. Многие снимали жилье у частных. Юра, по словам Инны, оказался довольно ушлым пареньком. Однажды он ей посетовал, что в общежитии ему жить очень тяжело. Нет возможности по-настоящему готовиться к занятиям. Инка сначала не поняла намек своего любимого.

Его намерения она разкусила только через неделю, когда пригласила его на свой день рождения. Он очень долго ходил по ее квартире и все цокал языком. Ему очень нравилось жилье, да и сама молодая хозяйка. Его желание остаться ночевать, девушка решительно отвергла. Она посчитала, что это неприлично. На прощание Юрка поцеловал именинницу в губы и тихо прошептал:

– Инночка, я все сделаю возможное и невозможное для

нашего будущего... — Затем с улыбкой добавил. — Отец твой знаменитый профессор, с такой личностью нам вдвоем куда легче будет в науке...

Инна на слова Юрки ничего не ответила. Она только с ненавистью посмотрела на однокурсника и быстро закрыла дверь. Эту ночь она почти не спала. Все думала и плакала. Она больше никогда не замечала Юрку с исторического факультета. Он был ей противен. Она только сожалела о потерянном времени и о своей первой любви, которая со стороны Юрки, без всякого сомнения, была любовью по расчету. С тех пор прошло много лет. Все это время Кускова упорно училась. У молодой аспирантки свободного времени почти никогда не было. После тридцати лет ее жизни его вообще не стало, писала докторскую работу. Молодая женщина с каждым днем становилась заметной фигурой не только в своем городе, но и за его пределами. Ее часто приглашали на научные симпозиумы и совещания, проходящие в Сибири, в Москве. За все это время она так и не встретила своего любимого человека. Попадать в паутины любовных интриг ей не хотелось.

Первый свой летний отпуск историк Чурсин посвятил написанию второго раздела диссертации. Раздел шел с большим трудом, не хватало архивного материала. Без него диссертация не стоила и гроша. Он поехал по важнейшим промышленным центрам Советского Союза, где был накоплен позитивный опыт в организации свободного времени насе-

ления. За месяц он побывал в пяти крупных городах России, в двух городах Украины. Денег на проезд и проживание в гостиницах дал ему отец. Он никогда ему не отказывал, но иногда ехидничал. Сыну ничего не оставалось делать, как молча все его усмешки проглатывать. К началу сентября у Чурсина появился определенный запас архивного материала. Он ожил и стал еще настойчивее работать.

Наступила очередная уборка урожая. Чурсин был на все сто процентов уверен, что на этот раз ему не придется «комиссарить». Он считал, что пришла очередь для другого коллеги своей кафедры или других общественных кафедр. Но, увы, он жестоко просчитался.

Старики кафедры и на этот раз нашли причины, чтобы не участвовать в очередном важном правительственном задании. Заведующие кафедрами не привлекались к уборке урожая. Четверо доцентов в один миг нашли уважительные причины. Волков ждал подключения телефона в своей квартире. Стасюк и Кулаковский не поехали по состоянию здоровья. Первый был инвалидом, у него не было левой руки. Другой был очень старый и физически немощный. 70-летний мужчина от старческого маразма частенько забывал дома папку со своими конспектами. Обнаружив пропажу, он звонил своей жене и посылал домой студента. Получив от гонца бумажную папочку, он стремительно семенил в аудиторию. Он никогда без бумажек не ходил к студентам, боялся провалиться. Павлов, узнав о том, что он находится в списке участни-

ков очередной борьбы за урожай, сослался на недомогание и рысью побежал в поликлинику. Через пару часов Павел Михайлович ускоренным шагом вбежал в кабинет заведующего кафедрой и с радостью протянул ему небольшую бумажку. Затем громко произнес:

– Иван Константинович! Понимаете, я и сам не знаю, но меня сегодня понос пробил... Свищет прямо из прохода в два пальца...

После жалобы на свое нездоровье он приложил руку к заднице и мигом скрылся за дверью. Чурсин своего коллегу в этот день больше не видел. Нашли «самоотвод» и ассистенты. Тарасов, сославшись на сахарный диабет, срочно лег в военный госпиталь. У майора запаса Овчарова Николая Ивановича заболела жена. Увильнули от сельхозработ и старшие преподаватели-женщины. Таркина была инвалидом с детства, хромала на левую ногу, часто ходила с тросточкой. Ее закадычная подруга Никонова была несколько моложе. К удивлению, Чурсина и она за день до отъезда на сельхозработы принесла в профсоюзный комитет больничный лист. Лицо некогда цветущей женщины было мрачным. Голова ее была обмотана черным платком.

Попытка самого молодого историка «кооператива» уклониться от очередного архиважного партийного поручения закончилась полнейшим провалом. Горовой с умным видом представил ему лист с фамилиями преподавателей и сотрудников самой старой кафедры. И на этот раз Чурсину при-

шлось отступить. Ему было очень жаль, что он не смог использовать появившуюся возможность для своей научной работы. Идти куда-либо жаловаться, он считал делом бесполезным. Только к середине ноября он по-настоящему приступил к написанию второго раздела.

Прошло два года. Егор Чурсин за это время успешно сдал кандидатские экзамены по философии и по истории КПСС, основному предмету. Прошел еще один год. В мае ему была назначена защита на научном совете Тарского государственного университета. Соискатель на ученую степень кандидата исторических наук держался очень уверенно. Полными были и его ответы на вопросы маститых ученых. После оглашения результатов голосования он облегченно вздохнул. Из тринадцати членов совета никто не бросил против него «черный» шар.

Чурсин по случаю успешной защиты пригласил присутствующих на официальное торжество. Все заулыбались и зашушукались. За несколько дней до его защиты вышло специальное постановление ЦК КПСС о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Он, откровенно говоря, немножко боялся, когда объявлял о некогда привычной и устоявшийся традиции советского образа жизни. Мероприятие было назначено ровно на восемнадцать часов вечера. Он с замиранием сердца сидел в роскошном номере гостиницы «Русь», ожидая своих недавних ученых оппонентов. К его радости, они пришли все до единого. Среди умных людей какой-либо пьянки не было,

каждый осушил бокал шампанского и закусил. Не обошлось без теплых тостов и здравниц в адрес нового кандидата наук.

К Инне Кусковой Чурсин пришел поздно вечером. В его успешной защите была и ее заслуга. В первую очередь, ее моральная поддержка. Он сильно скучал, когда любимой женщины не было рядом с ним. Они встречались за все время знакомства лишь несколько раз. Эти встречи были мимолетными и очень короткими. Вечером они встречались, утром уже расставались. Ночью у них не было времени для разговоров, даже для очень серьезных. Они отдавались только любви, отдавались без остатка. Надеждами на очередную встречу, на очередную любовь они жили почти все эти годы. Чурсин прекрасно знал, что Кускова была верна ему, жила только им одним и любила только его одного. Хотя во время короткого пребывания в университете до него доходили слухи, что у заведующей кафедрой иностранных языков появлялись очередные поклонники. Профессорша их отметала или просто не замечала.

Затворничество красивой женщины очень радовало новоиспеченного кандидата наук. У него также не было женщин. Кроме одной, которой он жил все эти годы...

Чурсин иногда сожалел, что вел монашеский образ жизни, когда вглядывался в глаза красивых студенток. Многие из них, как ему казалось, специально получали двойки на семинарских занятиях, чтобы попасть к нему на консультацию. Собеседование иногда очень сильно затягивалось. Кое-

кто из двоечниц надолго оставался в его памяти. Со студенткой Оксаной Мироновой он впервые познакомился во время сельхозработ. Первокурсница от своих подруг держалась обособленно. Скорее всего, причиной этому была ее красота. Чурсин еще во время посадки студентов в автобусы, когда они отправлялись из института, заметил эту высокую и стройную девушку. Она часто бросала томные взгляды в его сторону. Она в первый же день по прибытию в лагерь, когда приехавшие еще по-настоящему не устроились, пришла в комнату комиссара и с улыбкой его спросила:

– Егор Николаевич! А почему у нас нет сегодня дискотеки... Я очень сильно хочу танцевать...

Увидев недоуменный взгляд мужчины, она замолкла, затем опять уже очень строго произнесла:

– Егор Николаевич! Вы же историк, так ли? И почему наша студенческая молодежь должна остаться без идейного влияния?

Неожиданный визит студентки-малолетки, да еще ее назидательный тон с партийной «приправой» очень сильно рассердил комиссара. Он, еле сдерживая себя, с некоторым заиканием ответил:

– Т-о-оварищ Миронова, я вижу, что Вы очень нахрапистая девушка... Мне жалко, что некоторые из студентов не понимают, что стоило сегодня мне с начальником лагеря организовать ночлег и питание... Кое-кому нужны только танцы...

Читать нотации комиссару было больше некому. Студентка вспыхнула, словно свечка, и моментально закрыла за собою дверь. Чурсин в эту ночь не спал, все думал, как организовать дискотеку. Ехать за музыкальными инструментами в институт не хотелось, да и было бесполезно. Кроме ватмана и туши у партийных вождей ничего не имелось. За бумагой надо было еще и походить. После завтрака и распределения на работы он направился к секретарю парткома совхоза. Мужчина оказался довольно понятливым. Через несколько минут вопрос о материальной части дискотеки отпал, что было самым главным. Инструменты бывшего совхозного оркестра почти три года лежали в комнатухе у заведующего сельским клубом.

По словам пенсионера раньше на центральной усадьбе был прекрасный оркестр. Распался он из-за пьянства его руководителя. Чурсин, не имеющий никакого понятия в музыкальных инструментах, стал искать таланты среди студентов и совхозной молодежи. Он с успехом это сделал. В восемь часов вечера в лагере заиграла музыка. Миронова одна из первых пришла на танцевальную площадку. Во время первого танца она то и дело бросала взгляд в сторону комиссара, который с заумным видом инструктировал совхозного кинемеханика и специальную группу из числа студентов. Им предстояло обеспечить противопожарную безопасность большого мероприятия. Оно и на самом деле было таковым. На площадке собралось около двухсот человек. На дискотеку при-

шли ребята и девчата из близлежащих деревень. Приостановить приток молодежи было невозможно. Чурсин еще заблаговременно позвонил секретарю парткома совхоза и попросил его посодействовать в наведении общественного порядка. За час до начала дискотеки в лагерь пришел участковый милиционер. Им оказался молодой парень, который, словно петух, ходил вокруг площадки и все время косил глаза на молодых студенток. Через час он, скорее всего, по собственной инициативе «сложил» свои полномочия.

Комиссар то и дело видел сержанта, танцующего с одной и той же студенткой. Иногда молодая парочка появлялась перед начальником и весело улыбалась. Среди танцующей молодежи мог оказаться и сам комиссар. Он не думал, что первой студенткой, пригласившей его потанцевать, будет опять Миронова. Она пригласила его в полночь. Многие из обитателей лагеря в это время покидали площадку, шли отдыхать. Чурсин стоял возле большого стола, на котором громоздилась аппаратура, и наблюдал за несколькими парами, которые очень вяло двигали свои ноги и руки. Неожиданно кто-то сзади его легонько хлопнул по плечу и еле слышно шепнул ему на ухо:

– Егор Николаевич! Я хочу Вас пригласить на танец...

Чурсин невольно отпрянул в сторону и несколько опешил. Перед ним стояла Миронова. Она была одета в спортивный костюм голубого цвета, который очень плотно облегал ее фигуру. На какой-то миг он залюбовался фигурой и красотой

молодой девушки. Эту красоту не могла даже затмить ночная мгла, которая то и дело пронизывалась различными лучами цветомузыки. Комиссар несколько мгновений молчал, затем почти машинально ответил:

– Товарищ Миронова, мне сейчас не до танцев... Извините...

Затем, строго взглянув на студентку, он быстро отошел в сторону и направился в спальное помещение. Он хотел немного отдохнуть. Через час он вновь появился на тацплощадке. Она была почти пустой, лишь две молодые пары лениво двигались в ритме музыки. Мироновой среди них не было, что в какой-то мере его обрадовало. Честно говоря, он не хотел попадать в какие-либо переплеты со студентами, не говоря уже о каких-либо танцах с одной из самых красивых студенток-малолеток. Он облегченно вздохнул и вновь направился в свою комнату.

Сон, к его удивлению, не шел. Не спалось ему, без всякого сомнения, только из-за Мироновой. Природная красота девушки, ее детская наивность все больше и больше ему импонировали. Он до мельчайших подробностей воспроизводил в своей памяти все моменты ее поведения. Каких-либо подвохов со стороны студентки он не находил. На свои же ответные действия по отношению к ней, он злился. Его надежда на то, что она пригласит его потанцевать на очередной дискотеке, не оправдалась. Оксана больше вообще не появлялась на площадке. Ее неординарное поведение вызвало у комис-

сара множество мыслей и предположений. Иногда он хотел пригласить ее к себе на собеседование, как он часто делал с нарушителями трудовой дисциплины. Хотел, но не делал. Не делал по очень простой причине. Он прекрасно знал, что среди студентов и преподавателей есть «активисты», которые незамедлительно сообщат руководству института о прелюбодеяниях холостого историка и молодой студентки. Даже если оных и не будет...

Очередная возможность пофлиртовать со студенткой Мироновой представилась Чурсину через месяц, после окончания сельхозработ. Девушка оказалась в составе группы студентов технологического факультета, в которой он вел семинарские занятия. Он и сам, не зная почему, этому неслыханно обрадовался. Скорее всего, предыдущая работа на износ требовала разрядки. Особенно после защиты диссертации. Раньше у него свободного времени, как такового, которое необходимо для любого человека, не было. Оно уходило на написание диссертации и сдачу кандидатских экзаменов. Год защиты был для него наиболее тяжелым. Много нервов забрала подготовка к защите диссертации и сам ее процесс. Одних только справок, характеристик и отзывов он насчитал около 80 штук. Вся эта бюрократическая писанина требовала от нищего ассистента и денег, которых у него страшно не хватало. Без помощи отца ему пришлось бы очень туго.

Подрывали его нервную систему и партийные поручения. Партийный монстр давил на него без всякого сожаления.

Чурсин, как коммунист не мог их ни выполнять. Он был здоров и молод, умен и страшно работоспособный. Партийный комитет «кооператива» дифференцированно подходил к выбору партийных поручений. Седовласые коллеги по кафедре, как правило, политику родной Коммунистической партии проводили на местах: в самом институте или в городе.

Чурсин же в прямом смысле осваивал сибирскую глубинку. Его посылали в самые отдаленные деревни, в которых не было ни только каких-либо гостиниц, но и настоящей пресной воды. Одна из страниц дискомфорта ему запомнилась на всю жизнь. В деревню Богодуховку он приехал поздно вечером, хотя его лекция планировалась на обеденный перерыв. Из-за сильного дождя лектора не забрали из соседней деревни. Чурсин проспал ночь в конторе на раскладушке, которую ему принес из дома управляющий. Рано утром его пригласили перекусить в столовую. Он был страшно голоден и поэтому очень быстро справился с довольно большим куском мяса и макаронами. Официантка вскоре принесла стакан компота, который почему-то издавал неприятный запах. Чурсин настороженно поднес стакан ко рту и сделал маленький глоток. Затем отставил компот в сторону и вопросительно посмотрел на женщину. Она в ответ мило улыбнулась и спокойно произнесла:

– Молодой человек, не переживайте... Это вчера наши деревенские ребята бросили дохлую собаку в колодец... Сегодня наш управляющий еще засветло пытался ее выта-

щить...

Лектор в ответ ничего не произнес. Он стремительно поднялся со стула и ринулся вон. Затем заложил два пальца в рот и опустошил свой желудок. Чурсин читал лекции еще два дня. Приглашения покушать он решительно отвергал, говорил, что сыт. Питался он исключительно покупными продуктами, что имелись в сельских магазинах. Разносола не было. Килька в томатном соусе, которую он страшно не любил, да сухие пряники в основе своей составляли съестное меню посланника областного комитета партии.

В конце сентября ученый совет кооперативного института объявил конкурс на замещение вакантной должности преподавателя кафедры истории КПСС. Чурсин успешно его прошел.

Занятия у первокурсников начались в конце октября. Через неделю сотрудники и студенты «кооператива» узнали, что историка Чурсину Егору Николаевичу Высшая Аттестационная Комиссия при Совете Министров СССР присвоила ученую степень кандидата исторических наук. Об этом написали не только на доске объявлений, но и в многотиражной газете. Чурсин ходил по институту очень довольный, часто улыбался. Он то и дело принимал поздравления от своих коллег и студентов.

Поздравила его и Оксана Миронова. Поздравила при необычных обстоятельствах. Чурсин после работы всегда покупал хлеб в небольшой булочной, которая находилась в

трех десятках метров от института. Он сразу же заметил в небольшой очереди красивую девушку, стоящую перед кассой. Какая-то неведомая сила вытолкнула его из очереди, и он, словно на крыльях, рванулся к молодой покупательнице, которая положила свой хлеб в небольшую сумочку. Увидев своего преподавателя, студентка слегка покраснела и протянула ему руку. Затем с улыбкой сказала:

– Егор Николаевич, наступила и моя очередь для поздравлений... – На миг она замолкла, словно подбирала нужные слова для более теплого поздравления своего наставника. – Потом сквозь набегающие слезы добавила. – Простите меня, Егор Николаевич, простите...

От неожиданности Чурсин замер. Он все еще не мог понять причину нервного расстройства своей студентки. Этим и воспользовалась Миронова. Она выбежала из булочной и в миг растворилась в многоликой толпе. Ночью Чурсину снились сплошные кошмары. Он часто просыпался и открывал окно. Свежий воздух этой ночью почему-то не способствовал новоиспеченному кандидату наук ни притоку умных мыслей, ни хорошему сну. Только утром он окончательно успокоился, когда посмотрел свой план работы. Через день в группе, где училась студентка Миронова, он проводил семинарские занятия. Он почему-то с тревогой ожидал этих занятий. Эта тревога у него удесятилась, когда он, зачитав фамилию студентки, не увидел ее на своем месте. Никто из группы не знал причину ее отсутствия. Чурсин рванулся в

деканат технологического факультета. Заместитель декана, увидев возбужденную физиономию историка, принялся его успокаивать:

– Егор Николаевич, я наслышан о Вашей работоспособности и заботе о студентах... Меня это очень радует...

Затем сморщив лоб, он принялся разгребать руками большую гору папок, лежащую на широком столе. Чурсин с нетерпением ждал, когда этот толстый человек с большим мясистым носом откроет рот. Через пару минут до него доносилось:

– Егор Николаевич... Довожу до сведения Вам и коллегам кафедры... Оксана Ивановна Миронова уволилась из нашего института по причине перевода ее родителей на другое место работы...

Чурсин с облегчением вздохнул и тотчас же покинул деканат. Воспоминания о красивой студентке остались для него только воспоминаниями. И больше ничем иным...

После получения диплома кандидата исторических наук Егору Чурсину разрешили читать лекции для студентов всех трех факультетов: экономического, технологического и товароведного. В декабре он получил существенную надбавку к своей заработной плате – 60 рублей.

Новый год молодой кандидат наук решил провести в родном Марьино. История, как наука ушла для него на второй план. К родителям он приехал за день до праздника. Они были без ума от его успехов. Особенно радовался отец. Он хло-

пал рукой сына по плечу, затем по голове и весело говорил:
– Гошка, ты и вправду у нас такой умный... Я вот в свои двадцать восемь баранку крутил, а ты сегодня уже кандидат... Хотя почему кандидат, а не какой-то начальник?

После своих умозклучений он смачно матюгнулся, что вызвало общий смех его супруги и сына. Вскоре он успокоился и пригласил всех за стол. Первый тост был за новоиспеченного кандидата наук. Егор Чурсин в этот вечер был на седьмом небе от счастья. Его пьянило не только его научные успехи, но и спиртное. Он то и дело обнимал своих родителей и приговаривал:

– Спасибо Вам, мои дорогие папенька и маменька... Спасибо Вам... Я сделаю все возможное, чтобы стать большим человеком... Обязательно сделаю, дайте только мне время...

Заверения умного сына родителям очень нравились, они гордились им. Гордился своим земляком и небольшой городок Марьино. В районной газете «Молодой сибиряк» был опубликован большой очерк о молодом историке, который успешно пропагандировал исторические решения партийного съезда... Егор Чурсин не мог наглядеться на свою фотографию, которая красовалась на первой странице газеты. Он с улыбкой посмотрел на мать, глаза которой от радости были полные слез. Она, увидев вопросительный взгляд своего сына, тихо произнесла:

– Гошенька, прости меня... Я твой альбом с фотографиями корреспонденту показала. Он обещал вернуть твоё фо-

то... Надо вот только выждать немножко...

Егор Чурсин не намеревался ругать свою мать. Он любил своих родителей, любил их в равной степени. Он прекрасно знал, что ни отец, ни мать не хотели, чтобы их единственный сын стал ученым, тем более, историком. Они с самого раннего детства знали одно: лишь мозолистыми руками можно заработать себе на кусок хлеба. Однако своему сыну не хотели перечить. Они каждый день видели и обратное. Чиновники от партии имели куда больше в своей жизни, чем те, кто трудился у станка или стоял за прилавком. Семейное празднество по поводу научных достижений сына в доме Чурсиных затянулось. Все легли в постель далеко за полночь.

Виновник торжества с радостью плюхнулся на мягкую перину и мгновенно заснул. Через час он проснулся и вышел на улицу. Мороз был жуткий, за тридцать градусов. На морозе Чурсин стал немного приходить в себя. Его радовал очень теплый прием родителей. Его, как сына, все это многому обязывало. Вскоре он вновь оказался в постели, опять заснул. Проснулся он очень быстро и долгое время не мог отойти от страшного сна. Он видел Инну, которая была почему-то голой и звала его на помощь. В его голову тотчас стали приходить тревожные мысли, одна страшнее другой. Чурсин, едва забрезжил рассвет, решил ехать в Тарск. Уговоры родителей остаться дома и вместе провести Новый год, на него не действовали. Не действовали и слезы его матери, которая принялась причитать, чтобы его уговорить. Никто и

ничто не действовало. Чурсин старший, видя бесполезность всех попыток, сдался. Он подошел к жене, и полуобняв ее, сквозь слезы произнес:

– Слушай меня, мать... Наш Егорка стал взрослый и умный... Не будем ему мешать в выборе своей жизни... Пусть едет...

Затем он подошел к сыну, и сжав его плечи, сказал:

– Егор, моя и твоя жизнь не есть две капли воды... Это и хорошо. Я думаю, что и для тебя наступила пора семью заводить. Если у тебя есть любимая женщина – езжай. Люди, любящие друг друга, должны все радости и горести делить только вместе...

Чурсин приехал в Тарск в полдень. Многотысячный город был полностью погружен в предновогодние заботы. Свидетельством этому было множество елочных базаров. Лесные красавицы он видел почти на каждой улице, в пролетающих мимо него автобусах и легковых автомашинах. Первым делом он решил купить красные розы. Они могли быть только на привокзальном рынке. И в этом он не ошибся. Продавцы цветов обосновались в небольшом сборном домике. Цены очень кусались. Он очень долго торговался, прежде чем в его руках оказался долгожданный букет из трех больших роз. Затем он направился к стоянке такси. Вскоре он оказался возле знакомого дома и подъезда. Он стремительно взлетел по ступенькам на четвертый этаж и с замиранием сердца нажал на кнопку звонка. Дверь никто не открывал. Он нажал

еще и еще. Только через минуту, а может и больше, за дверью раздался знакомый голос. У него сразу же отлегло от сердца. Он медленно опустился на корточки и закрыл глаза. Кускова, открыв дверь своей квартиры, и увидев своего любимого мужчину в необычном положении, в руках которого были ее любимые розы, с тревогой в голосе стала его спрашивать:

– Гошенька, Егор Николаевич! Что с тобою случилось? Что произошло? Скажи же мне... Я очень тебя прошу...

Чурсин приподнял голову и с вождением стал рассматривать свою любимую женщину. Затем он быстро вскочил на ноги и очень спокойно произнес:

– Нет, нет, еще раз нет... У меня ничего не случилось...

Потом он с силой притянул ее к себе и страстно поцеловал ее в губы. Увидев радостное лицо женщины, он вновь и вновь ее поцеловал. После этого очень серьезно сказал:

– Инна, в моем сердце и в душе произошло очень важное, которое называется любовью... Я люблю тебя, Инна, моя Иннушка...

Выслушивать любовные объяснения мужчины, женщина больше не стала. Она взяла его за руку, провела в коридор и закрыла дверь. Через несколько мгновений они оказались в постели. В этот последний день уходящего года никто из них не скрывал, что эту встречу они ждали с большим нетерпением. Каждый из них сейчас жаждал не только любви, но и хотел поделиться тем, что произошло за время разлуки.

Инна Кускова была уже в курсе, что ее любимый получил

подтверждение из Москвы. Она очень долго смеялась, когда он рассказал ей о своем страшном сне. Она и сама нередко видела его во сне. Лицо любимого всегда почему-то было расплывчатым, даже неузнаваемым. После сноведения она открывала глаза и принималась гладить рукой подушку, которая лежала на другой стороне широкой постели. Ей все казалось, что она и сейчас хранит в себе тепло и любовную страсть молодого и красивого мужчины, очень редко появляющегося в этой комнате. За время его отсутствия она так и не прикоснулась своими губами ни к одному из мужчин, не говоря уже о большем. Ее очень часто приглашали на всевозможные банкеты и празднества, посвященные юбилеям из мира ученых или партийной номенклатуры. На все эти мероприятия она шла, но с очень большой неохотой. Особенно ей претили попойки партийных чиновников. Она прекрасно знала, что все обитатели, которые пришли сюда вкусно покушать и изрядно выпить, гуляли не на свои кровные деньги.

Она знала и то, что попасть в лоно партийной номенклатуры большого ума не стоило. Надо только льстить, льстить и еще раз льстить. Этого «достоинства» у нее как раз и не было. От отсутствия оно у нее довольно часто страдала. Она очень переживала, когда одному из чиновников городского комитета партии при сдаче кандидатского экзамена по немецкому языку поставила неудовлетворительную оценку. Относительно молодой человек с явным пренебрежением прореагировал на критические замечания профессорши, ко-

торая стала подводить основы для «заслуженной» оценки. В определенной степени чиновника подвела тактика его поведения. В аудитории он пришел последним, последним и сдавал экзамен. Он надеялся на то, что наедине с членами комиссии можно келейно, а то и в приказном порядке, потребовать нужную оценку. Несмотря даже на полнейшее отсутствие знаний. Мужчина абсолютно никакого понятия не имел в вопросах, которые стояли в его билете. Однако это его нисколько не смущало. Он, скорее всего, понимая свое высокое положение в местной иерархии власти, решил в прямом смысле атаковать членов государственной комиссии, которые то и дело ставили ему наводящие вопросы, чтобы вытянуть его на слабенькую тройку.

Кускова и та, решила бросить ему спасательный круг. Она почти по слогам прочитала ему коротенькое предложение и попросила написать его на доске. Борис Иванович и этого не смог сделать. Мало того. Все слова, за исключением первого, он написал с маленькой буквы. Из шести слов три были имена существительные. Экзаменаторы от бессилия опустили головы. Чиновник сухо и очень официально простился и вышел с гордо поднятой головой. Через день Кускову вызвали в партийный комитет и попросили разъяснить ситуацию, которая произошла во время сдачи экзамена по немецкому языку. Она рассказала все, что и как было. Затем секретарь парткома попросил ее написать объяснительную записку на имя секретаря горкома партии.

Профессорша категорически отказалась. Больше ее никто никуда не вызывал. Несколько позже она узнала, что объяснительные записки в горком написали две женщины, которые были членами государственной комиссии. Это, скорее всего, и спасло ее от неминуемого изгнания из вуза. Еще через три года она узнала, что некогда ее подопечный, получивший двойку по немецкому, после окончания Академии общественных наук при ЦК КПСС, стал кандидатом философских наук. Через полгода его избрали первым секретарем районного комитета партии одного из районов города. У Кусковой после этого появилась очень стойкая аллергия на чиновников, которые носили партийный билет и были «остепененные».

Встречу Нового года влюбленные чуть ли не проспали. За разговорами они не заметили, как быстро пробежало время. До боя кремлевских курантов остались считанные секунды. Они бросились наполнять свои бокалы шампанским. С последним ударом курантов на Спасской башне Кускова слегка чокнулась с Чурсиным и с улыбкой произнесла:

– Егорушка, я пью за твое счастье и за твои научные успехи в наступившем году... Счастья и здоровья тебе, мой любимый...

Затем она с жадностью осушила игристую жидкость до дна и неожиданно заплакала. Чурсин никак не ожидал такой развязки. Он, как и его любимая, осушив бокал, быстро поставил его на стол и с нечеловеческой силой прижал женщи-

ну к себе. Увидев слезы на ее глазах, он с тревогой в голосе спросил:

– Инна, Инночка, что случилось с тобою... Почему ты молчишь? Что у тебя произошло за время моего отсутствия? Говори же... Тебе, очень плохо...

Блондинка на его вопросы и мольбу не реагировала. Она продолжала плакать. Из ее голубых глаз все катились и катились маленькие капельки жидкости, которые медленно растекались по ее красивому лицу и затем исчезали в никуда. Чурсин с недоумением продолжал смотреть на женщину. Он все еще не мог понять, что у нее стряслось. В конце концов его терпение лопнуло. Он быстро подхватил ее на руки и стал кружиться с нею по комнате. Только на его руках Кускова успокоилась. Смахивая руками свои слезы, она тихо прошептала:

– Егорка, мой Егорушка... Партия разлучает нас с тобою... Я ведь никогда не думала, что я еще могу послужить этой организации, которая называется Ке-пе-эс-эс... Партия для себя и для простого народа...

Все то, что рассказала Инна Кускова, Чурсина очень разочаровало, даже рассердило. Он никогда не думал, что его беспартийная любимая может попасть в «партийные лапы». В начале марта ее пригласили в областной комитет партии и предложили место заведующей кафедрой в одной из военных академий в Москве. В какой академии ей предстояло работать, ей не сказали. Одно сказали, что ей предоста-

вят прекрасное жилье, машину и даже дачу. Чиновник, видя некоторое замешательство умной и красивой женщины, дал ей неделю на размышление. Кускова целую неделю не находила себе места. Уезжать из родного города ей не хотелось. Да и ее квартира, как ей представлялось, была нисколько не хуже той, которую ей предлагали. Не было у нее и проблем с деньгами. Свои пятьсот рублей она всегда получала. Довольно часто были и «довески». Она выступала с лекциями в вузах своего города. Отдел народного образования и институт усовершенствования учителей также ее приглашали на семинары и конференции. Довольно часто в ее голове были и другие мысли, почти земные и человеческие. Ей было уже далеко за сорок лет. Она так и ни разу в своей жизни нигде не отдыхала, не была и за границей. В самой Москве была пару раз и то мимоходом. Во время раздумий о смысле своей жизни перед нею очень часто возникал образ историка Егора Чурсина. Особенно он часто витал поздно вечером, когда она приходила с работы и от усталости засыпала на диване. Дойти до кровати у нее не было сил. В наиболее тяжелые минуты одиночества ей не хотелось вспоминать о любимом. Она даже сознательно «выгоняла» его из своей жизни, из своего сердца и своей души. Иногда это получалось, но ненадолго.

Молодой и красивый мужчина, который по возрасту годился ей в сыновья, все больше и больше ее преследовал. И эту неделю он все думала о нем. В своей душе она была не

против навсегда с ним связать свою судьбу. Она его сильно любила. В том, что он ее любит, у нее также сомнений не было. Одновременно, исходя из своего жизненного опыта, она нисколько не сомневалась, что совместного счастливового будущего у них никогда не будет. Такие люди, как они, и особенно Чурсин, всегда были и будут под колпаком партийных органов. Партийные комитетчики родного университета сделают все возможное, чтобы приостановить их «неравный брак». Любовь, как человеческое понятие, для многих партийцев не существовала. Перипетии человеческой жизни партия в счет не брала. В этом Кускова убедилась буквально за пару месяцев до своего приглашения в серый дом. Молодого доцента одного из институтов города исключили только за то, что его мать продавала самогонку. Пожилая женщина жила в маленькой деревушке, недалеко от города. Сил для работы на приусадебном участке у нее уже не было. Сын довольно часто сам бедствовал. Взносы за кооперативную квартиру поедали значительную часть семейного бюджета. Кто-то из соседей ученого решил сыграть с ним злую шутку и написал письмо в институт, что его мать торгует первачом. Сам он тоже не выполняет партийные решения по борьбе с пьянством, привозя домой бутылку, а то и две, самогонки. Реакция на пасквиль последовала незамедлительно. Сначала доцента исключили из Всесоюзного общества трезвости. Затем объявили партийное взыскание. Через неделю был объявлен конкурс на замещение вакантной должности доцента

кафедры автоматизации производства. Перспективный ученый документов не подал...

Ровно через неделю в квартире профессорши Кусковой раздался телефонный звонок. Она сразу же узнала, откуда звонили и кто звонил. Уверенный и очень строгий голос задал один и тот же вопрос. Она, едва сдерживая слезы, очень тихо произнесла в трубку:

– Я согласна...

Больше она ничего не могла сказать. Какой-то комок образовался в ее горле. Сердце от волнения и неведомого страха готово было выскочить из ее груди. Через два дня ее вновь пригласили. В этот же кабинет и за этот же стол. Рядом с чиновником сидел еще один мужчина, который ей был незнаком. На сей раз вопросы задавал только он. Она не всегда успевала отвечать на его вопросы. Они были довольно разные и даже очень странные. Она с недоумением смотрела на строгого экзаменатора, который почему-то очень дотошно интересовался всей ее родословной. Затем посыпались вопросы, которые в полном смысле ее ошарашили. Плешивый незнакомец с рыбьими глазами попросил ее без всякого стеснения рассказать ему о дружеских и недружеских связях с мужчинами, и о том, почему она до сих пор незамужем. Профессорша исподлобья посмотрела на него и на полном серьезе сказала:

– Извините, товарищ начальник. У меня всегда на первом плане была наука и только наука...

От неожиданного ответа красивой блондинки мужчины громко рассмеялись. Смеялась и та, которая почти полчаса отбивала словесную атаку представителя каких-то органов. Каких органов, она не знала. И не хотела знать. Ей сейчас не до этого было. Ее глаза были полные слез.

Финал затянувшегося собеседования был очень неожиданным. Плешивый встал из-стола, подошел к женщине, и положив свою руку на ее плечо, очень тихо прошептал:

– Уважаемая товарищ Кускова... Мы сделали правильный выбор... – Затем с улыбкой добавил. – У меня есть к Вам очень маленькая просьба... Пожалуйста, не разглашайте то, о чем мы сегодня с Вами говорили. И еще. Вам, как это возможно, необходимо ограничить контакты с родственниками, даже с близкими...

Кускова молча кивнула головой, и почти полупьяная вышла из кабинета. Через месяц ее приняли кандидатом в члены КПСС...

Чурсин с очень большим вниманием выслушал монолог своей любимой женщины. Некоторое время он молчал. Молчала и Кускова. В комнате на какой-то миг воцарилась мертвая тишина. Из сидящих за столом никто не хотел ее нарушать. Скорее всего, эта тишина способствовала серьезным размышлениям и умозаключениям, которые могли в какой-то мере изменить жизнь этой женщины и этого мужчины. Чурсин никогда не думал, что эта красивая женщина, профессор, доктор филологических наук, совсем недав-

но беспартийная, будет выполнять столь ответственное задание партии. В том, что с ней беседовали далеко не простые люди, он нисколько не сомневался. Как и не сомневался в правильном решении, которое приняла эта женщина. Одно он знал четко, что если бы она отказалась от поручения, то ей бы давно не было места в университете, не говоря уже о заведовании кафедрой. Да и он сам, выполняя ответственное задание партии в период уборки сельхозпродуктов, неоднократно прокручивал в своей голове один и тот же вопрос: «А что, если отказаться? И почему я должен все эти пять лет подряд ездить? А где остальные?». Через некоторое время он успокаивался, успокаивался окончательно. Он раньше и сейчас не сомневался, что партийный пресс, без всякого сомнения, его в один миг раздавит и выбросит как букашку. Бессильна против этой махины была и его любимая женщина. Он с жалостью смотрел на Инну и еще сильнее прижимал ее к своей груди. Кускова, словно понимая его размышления, также прижималась к нему и повторяла почти одно и то же:

– Вот такие наши дела, мой любимый... Судьба – злодейка нас разводит...

Чурсин на ее причитания ничего не говорил. Он только ловил теплые губы очаровательной блондинки и с жадностью в них впивался. В верности умозаклучений своей любимой он уже нисколько не сомневался. Как и не сомневался, что им никогда не суждено быть вместе. Быть или не быть счастливыми, для них определяла партия, в рядах которой он со-

стоял уже семь лет...

Через некоторое время они успокоились и пошли гулять по городу. Тарск в эту новогоднюю ночь был особенно красив. Его центральная улица, носящая имя вождя мировой революции, утопала в море ночных фонарей и новогодних гирлянд. Перед огромным зданием областного комитета партии стояла главная елка города, вокруг которой толпились сотни горожан. То там, то здесь раздавался смех и здравницы в честь наступившего нового года. У многих были бутылки с шампанским. Кое-кто из участников новогоднего карнавала принес спиртные напитки из дома. Некоторые покупали их у спекулянтов, стоящих неподалеку от праздничного представления. Чурсин был безмерно счастлив, когда за червонец купил бутылку шампанского и получил впридачу два больших стакана. Он открыл бутылку, раздался сильный хлопок, и игристая жидкость ударило ему в лицо. Увидев это, Кускова засмеялась и стала слизывать с его щек и губ полусладкое вино. Через несколько мгновений их губы сомкнулись. В этот миг они были счастливы, как никогда. Они пили за любовь и за новые надежды. Им казалось, что в эту новогоднюю ночь счастливы не только они. Счастливы и все те, кто кружился в хороводе вокруг вечнозеленой красавицы. От внезапно наступившего счастья, они то и дело обменивались комплиментами. Особенно усердствовал Чурсин. Он был без ума от своей женщины, которая была сегодня, как никогда раньше, веселой и жизнерадостной. Инна сейчас

была и божественно красивой. В том, что она краше и умнее всех, он и раньше никогда не сомневался. Не сомневался и сейчас. Кружась в толпе танцующих, он то и дело прижимал ее к себе и чмокал в ее губы. Иногда он отходил от нее на пару шагов, останавливался и затем пронзал своими глазами ее хрупкую фигурку. Ему очень нравилась эта женщина в длинной коричневой дубленке, шея которой была перевязана белым шарфиком. Ей все было впору и к лицу. И эти короткие коричневые сапожки на высоком каблуке и эта полукороткая прическа. Локоны ее белых волос ниспадали на воротник дубленки и делали его любимую еще красивее, еще привлекательнее...

Чурсин проснулся рано утром. Инна еще спала. Она иногда почему-то тихо всхлипывала во сне и чмокала своими губами. Он не стал ее будить, направился в соседнюю комнату. Во время ходьбы он мгновенно почувствовал физическую усталость, особенно ныли плечи и ноги. Страшно болела и голова. На какой-то миг он вспомнил вчерашний карнавал возле новогодней елки и улыбнулся. Включил телевизор. На всех каналах шли новогодние представления. Прошел почти час. Хозяйка все еще спала. Он очень осторожно вошел в спальню и почти на цыпочках подошел к кровати. Затем опустился на колени, немного приспустил одеяло и прикоснулся своими губами к грудям спящей. Через несколько мгновений он почувствовал тепло ее тела и запах дорогих духов. Он многие годы знал, что она всегда покупала очень дорогие

духи. От внезапного прикосновения женщина проснулась и в прямом смысле притянула мужчину к себе за уши и затем крепко поцеловала его в губы. После этого они громко рассмеялись.

За стол они сели только через час. Оба пили за любовь. Она пила красное вино, он водку. После «Столичной» у Чурсина голова несколько просветлела. Он этому очень обрадовался и направился на балкон, чтобы подышать свежим воздухом. Он вскочил со стула и тут же сел. Страшная боль пронзила его поясницу. Хозяйка, увидев скорчившегося мужчину, весело засмеялась и произнесла:

– Это тебе, Егорушка, твоя наука отдается... Я ведь знаю, сколько надо просидеть за диссертацией, чтобы ее написать...

Чурсин ничего ей на это не ответил. Лишь после того, как он очень медленно разогнулся и привстал со стула, он с ехидцей огрызнулся:

– Да... В этом доля правды есть. Однако, ты писала куда больше...

Кускова его объяснения дальше не стала слушать. Она медленно привстала из-за стола и приблизилась к нему. Затем, поцеловав его в губы, тихо промолвила:

– Эх, ты, мой дуралей... Ты так все еще не можешь понять, почему у нас сегодня все и вся болит...

Чурсин и после этих слов был в полном недоумении. Он продолжал загадочно смотреть в глаза любимой. Кускова

легким движением рук сбросила с себя халат зеленого цвета, и оставшись в одних ослепительно белых трусиках, страстно прижалась всем своим телом к мужчине. Затем она улыбнулась и поцеловав его, ласково прошептала:

— Эх, ты, мой любимый историк... Мой любимый мальчишка и мой любимый мужчина... Ты сегодня ночью был сильный, как лев, и ласковый, как котик... Поэтому мы в равной степени больны...

Чурсин только сейчас понял причины своей временной нетрудоспособности. Покрутив пальцем возле своего виска, он громко рассмеялся. Затем он мгновенно подхватил женщину на руки и понес ее в спальню. И до наступления очередного утра они были в плену любви и страсти. Не обошлось и без слез. Они были взрослыми людьми и прекрасно понимали, что они друг с другом уже никогда не встретятся. Причин этому было множество. Предстоящая работа Кусковой требовала от нее соблюдения определенных формальностей. Одна из них напроць исключала присутствие молодого человека в ее окружении. Они также допускали мысль, что кое-кто из институтских коллег и сотрудников знает о любовном романе пожилой профессорши и молодого кандидата наук. По гражданским меркам, не говоря уже о партийных этикетах, это было нечто необычное, даже очень необычное. Любые учреждения и организации такой возрастной «водораздел» влюбленных, не говоря уже об их браке, никогда не приветствовали. Не было исключений и для них. Лишняя

помеха, без всякого сомнения, могла навредить не только их отношениям, но и их карьере. После длительных раздумий они пришли к единому выводу – им больше не стоит встречаться. И времени уже для этого не было. Кусковой предстояло через месяц сдать все дела на кафедре и выехать в Москву. От бессилия что-либо сделать, они очень переживали и плакали. Особенно в отчаянии была Инна. Она то и дело вглядывалась в голубые глаза своего любимого мужчины и тихо шептала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.